

СЕРГЕЙ ГЛАВАЦКИЙ

ПАДЕНИЕ В НЕБЕСАХ

книга стихотворений

КП ОГТ
Одесса
2016

ББК 84(4Укр – 4Од – 2Од) 6-53я44
УДК 821.161.1(477.74) – 14 (081)
Г 520

Главацкий, Сергей

Падение в небесах: книга стихотворений/

С. Главацкий. – Одесса: изд-во КП ОГТ, 2016. – 274 стр.

В книгу стихотворений Сергея Главацкого «Падение в небесах» вошли избранные стихотворения 2002-2015 гг., объединённые в 14 поэтических циклов.

Для обложки использована
работа Евгения Сивоплясова (г. Одесса)

ISBN 978-617-637-096-3

© Главацкий С., 2016

НЕОНОВЫЕ ПОЖАРЫ

Кукловоды расступились перед лоскутами шторма.
От оазиса Вселенной днесь отчалив, пилигримы,
Мчимся наважденьями по телескопам на простор мы,
В – бесконечность. Мимо всех идём мы
и проходим мимо...

Рекламируем и кладбища, и бешенство зачатья.
Отжили все жизни всех людей мы, их седые жизни...
Мимо нас летят обломки лиц, пульсирующих платьев,
Столкновенья рук, миниатюрных звёзд
и чернокнижниц...

Эхо памяти о мире – утихающая мука.
Континенты света, белые трепещущие пятна,
Так беззвучно наплывают днесь
на континенты звука!.. –
Нам же всё равно – куда идти:
вперёд ли иль обратно...

Мы – не За и мы – не Против. Равнодушные молитвы
Множат равнодушие богов и прочих,
многих прочих...
Нам привычны пир – с врагами,
меж союзниками – битвы.
Убивая будущее, об ушедшем мы пророчим.

Здесь – космическая нежность,
здесь – земные листопады.
У вокзалов в Равнодушье захмелели окоёмы.
Мы целуемся руками, дышим пылью, тянем яды.
Нам – что падать, что взлетать,
что врозь мы будем, что вдвоём мы...

* * *

Эти альты кощунственно громко скрипят.
В этом теле немислимо много души.
Этот день слишком свят для тебя.
Ты не сможешь его пережить.

И жемчужные пухлые плавни веков
Омывают твои и мои корабли.
Это нимб над неспешной тоской.
Это гул электрички вдали.

Изнурительных сумерек рыхлая ложь
Вызывает приливы в седых облаках.
Только в Небе – упругая дрожь.
Только призрак тебя – на руках.

И в рубашках смирительных мечется жуть.
Даже нимб растворился над дымом ночным.
Никогда я тебе не скажу,
Что над нами когда-то был нимб.

Здесь прежде
Любой прохожий
Превращал твоё лицо в своё,
И любой визави
Носил твои долгоиграющие маски.
Но теперь
Ты разрешаешь себя преследовать
И заметаешь следы.
Я бы мог
Силой потащить тебя за собой
С помощью цепей,
Инкрустированных твоей щекотливой,
Слишком пьянящей жадой наваждений
Или на цыпочках
Красться за крадущейся
Через толпу русалок,
Но я не буду.

Мы идём с тобой
Через пустыню приложений
И путь открыт,
Но в дороге не будет
Жизнерадостных колодцев,
А нам нужна вода.

Оковы,
Сплетённые из чужой печали,
Быстро рвутся.
Мотыльки научатся
Опережать
Заносчивые зверинцы карет.
И ты тоже
Не ищи колодец,
Который не отдаст
Своей воды.

ОРИГАМИ

1.

Прозвони мою глушь. Я люблю тебя. Очень.
Я хотел слышать голос, но можно – и флейтой...
Ведь меня не смущает теперь среди ночи
Ежедневный вопрос одиночества: «Чей ты?»

Я отвечу. Найду, что спросонья ответить.
Я всегда был из тех, кто не лезет за словом...
Это – взрослые снова становятся: дети.
Это – дети становятся взрослыми снова.

И упрямые рукопожатья кометы
Через пальцы твои, как всегда, просочатся.
Я не знаю, когда у Вселенной – рассветы
И закаты, как прежде, начнут получаться.

На иконах, на всех – только Хаос – отныне.
В полный рост... Понимай эту шалость, как знаешь! –
Что в бутонах морей вызревает мой иней,
И вращается в небе планета двойная.

Я умею ходить по воде, если это –
Не моря, океаны, а так: мелководье.
Но душа назвалась адвокатом Завета,
И тотчас подсудимый назвал себя плотью.

Мы могли бы признать все причуды ангиной,
И врасти в целину горизонта, расплавясь,
И, чуть-чуть изменившись, срастись воедино...
Только – мы не меняемся. Нас не исправить.

Мы собой и такими довольны... И нечем
Увертюре ироний – паломникам вторить.
Я никак не пойму, отчего же весь вечер
Мелководье разлуки мне кажется морем?

Прозвони мою мглу поцелуем улыбки! –
Не нужны от тебя мне другие подарки!
Так подай мне сигнал. Оглушительно-яркий.
Или просто беззвучный, застенчиво-зыбкий...

Да любой! – Всё равно, всё равно: я узнаю
Для кого он, откуда и что означает!..

2. ЛЁТНАЯ ПОГОДА

Сегодня опять обещают осадки.
А ежели лгут, то – каштан за каштаном –
Заменят дожди. А зонты и палатки
Заменят нам дом и камин долгожданный.

И город, упрямо мечтая оттаять,
Свою лихорадку к колдуньям отводит...
Но кто нам сказал, что в грозу – не летают,
Что молния – свойство нелётной погоды?..

И снова года обращаются в стены.
Не верю грозе и не верю Изиде.
Но будь ты за гранью бездонной Вселенной,
Такой телескоп смастерю, чтоб – увидеть:

Тебя, беззаботно пасущую звёзды
На цедре безмолвий, их девственных землях...
Горячка белеет лицом алконоста,
И север ты слышишь, и – он тебе внемлет...

Я буду искать. Не играй со мной в прятки.
Подай мне сигнал. Я так жду его, ибо... ...
Любой. Я узнаю, откуда он прибыл!.. –
Подай мне сигнал. Я вернусь без оглядки.

Откликнись. Клянусь: я приду к тебе! Точно.
В любую расщелину времени – срочно.

Муаровые вечера истлели в подворотнях.
Я так устал от этих городов, где тишина
И шум – одно, где Солнце с каждым мигом –
всё бесплодной,
Где радости и горю – одинакова цена.

Еретики, в вибрациях зари ища осадок,
Устало взвешивают колыбели и гробы,
И в каждом взгляде беглых – равноденствие досады
И разочарованья в странных фокусах судьбы.

За небылицы сватаются огненные зори,
А плеск Безбрежности перекрывает плеск весла.
Никто из них не видел контур твой,
бегущий к морю.
Никто не верит в то, что ты когда-нибудь была.

И я – не принц, и ты, конечно, вовсе не принцесса.
Какие есть, одетые в бинокли темноты.
Не удивляйся, если я когда-то стану лесом,
И я не удивлюсь, когда пожаром станешь ты.

Ты рассмотри меня извне, увидь, какой же есть я,
Привыкни к наважденьям, что в моей темнице спят,
И лишь тогда: приди ко мне –
то ли наградой, то ли мезтью
За то, что я так преданно, так долго ждал тебя.

НЕРАСТОРЖИМЫЕ

Из дебрей уюта, космической дрёмы,
Задворок Вселенной – летят миражи.
Богини и боги спешат на паромы –
Искать на Земле половинки души.

Богини, рождённые бездной кочевьей
На том берегу безмятежной реки,
На землю пришедшие в облике девьем,
В себе никогда не узнают богинь.

Вселенная, зверь-одиночка, петляет,
Линяя, среди их мерцающих лиц,
А души их мчатся к Земле, накаляясь,
Спешат к бессердечным, в обитель Земли.

Они приземлятся и здесь обнаружат
Людей миллиард с миллиардом сердец,
Мохнатые тропики, птиц неуклюжих,
Приливы и замки в сквозной немоте.

Когда обнаружат, что люди – с сердцами,
Забудут тотчас, что богини они,
И вскоре привыкнут они быть и сами
Обычными дамами, павшими ниц.

И будут на пальмах вить гнёзда тайфуны,
И год юбилейный настанет луне,
И дети узнают, что значит быть юным,
И ты безнадёжно понравишься мне.

Ты тоже такая, одна из немногих
Богинь, позабывших себя в ворожбе
На хаосе, ты не уложишься в сроки,
И ты – не узнаешь богини в себе.

И ты не поймёшь, что способна быть чудом,
И боль не будить в околевших сердцах,
Но я свою душу в тебе – раздобуду,
И будет душа – тяжелее свинца.

Ты станешь грустить по краям незнакомым,
Где тысячи лет ты жила, и теперь –
Пойми, что земля тоже может быть домом,
И я – безнадёжно доверюсь тебе.

И в это мгновенье сольются стихии,
Живые и мёртвые станут – одно,
И ты не узнаешь, что ты и другие
Богини – пускай неосознанно, но –

Найдут для себя в этом мире бездонном
На роль своих спутников в этой тени –
Богов, в человеческом теле рождённых,
На время забывших, что боги они.

ВОЗДУШНЫЕ ПОЦЕЛУИ

Мансарды мечтали о путниках южных,
Терялись в мечтах и читали с листа,
Но счёт потерять поцелуям воздушным
Никто не посмел, ни за что, никогда...

По кубикам-рубикам трёх континентов
Мы шли в те края, что открыты тобой...
Теперь мы причалили к морю и ленты
Проголок вплетаем в глазастый прибой.

Следы обнажённые топчутся всуе
И заново сходятся в замкнутый круг.
А кто-то подумал, что духи рисуют
Пассатное соло на пасеке рук.

Нельзя не понять этот мир с полувзгляда,
Но спрятать познание – тоже нельзя...
И морю достаточно книжного яда,
Чтоб выползти из берегов, в небеса...

Зачем, уходя, обещаешь – по новой
Часы кораблей завести на рассвет?
Дай облаку настороженному слово:
Столкнётся с землёй шоколадный корвет!

Нашествие счастья всё море засеет
Отрезками времени, бригами дня...
А зелье свободы – моя панацея.
Откуда настолько ты знаешь меня?

И полчища палуб всё море засорят,
Играя с муссоном в «дыши – не дыши».
Откуда ты знаешь, как вылечить море
От этих таинственных залпов души?

Откуда ты знала, что жизнь – увлечение,
Что буря – следы звероловов сгрызёт?..
Теперь ничего не имеет значенья.
Лишь взгляды твои на закате, и всё.

БУДАПЕШТ

В колючем небе Будапешта
Циклон сплетает темнота
В улыбки с привкусом надежды
И поцелуй со вкусом льда.

И нашим душам обнажаться
Гораздо проще, чем телам...
И если б им без нас встречаться,
И обжигаться, и пылать,

Забыв о наших межсезоньях,
Ночных бессонницах и снах,
О том, что зыбко лишь спросонья,
И том, что мнимо только нам!..

Ведь нам привычней отражаться
В ночной змеящейся реке –
Не парой, за руки держаться
К реке пришедшей налегке,

А фонарями и рассветом,
И птицей, спящей на лету.
От нас останутся монеты
На самом дне промокших душ.

SMS (Save My Soul)

За вкрадчивость весенних перемен,
Не разобравшись в собственных соблазнах,
Наш мирный город взял нас в плен,
Не выпускает в мир огнеопасный.

И в этот странный день я стал жесток.
Мне безразличны мнения и просьбы.
Мечтаю лишь о том, чтоб мир издох.
Вот если б всех убить мне удалось бы!

Пусть это ты жестокость родила
В моей душе, в аренду данной Змею:
Одной тебе – я не желаю зла,
С тобой лишь – быть жестоким не умею.

АЛЛЕРГИЯ НА ЖИЗНЬ

Я вспомнил всё то, что цвело, но – исчезло,
Что было когда-то со мной, но – погибло.
Присядь у торшера, присядь в это кресло.
Мой взгляд стал бесцветным, а голос стал – хриплым,

Но я расскажу тебе, как безгранично
Моё отрешенье в зеркальной пустыне,
Что стал я теперь ко всему безразличным,
Что мною ничто управляет отныне,

И что по ночам мне мерещится в небе,
Что целюсь взорвать пирамиду Хеопса,
Что кем-то неловким был брошен мой жребий,
И как это вышло. Так вот. Приготовься.

Рельеф невесомости вряд ли стабилен,
Но в трюмах забвенья по-прежнему пусто.
Там сердце разбили! Там сердце разбили!
Там сердце... Смотри! Узнаёшь этот сгусток?

Сложи его снова, и мышц – оригами.
Вечернее хобби. Всю жизнь. Год за годом.
В свободное время лишь. Между звонками
Фойе, телефонов, трамваев... Твой отдых.

А сложишь – окажется: два их, спешащих,
Окрашенных в красное сердце. Ведь: два их!
И – резко, небрежно в забвения ящик
Ты прячешь фойе, телефоны, трамваи!..

Столкнись с настоящим и – зеркала омут
Руинами изображения станет,
И станет прозрачным убежище дома,
И блики – горячими в пыльном стакане.

Быть может, я зря этот миг неизбежный
Считаю бессмысленной ветошью, чушью...
И я пред тобою так искренно, нежно –
Прощенья прошу за своё равнодушие...

3-Й МУЖ И 5399256031-Й МУЖЧИНА ЛИЛИТ

Ты – Лилит, и поэтому ты, непременно,
Люцифера жена, ты – в аду, на мели.
Ты пьяна изобилием ласк и измен, и
Слишком долго пьяна, незнакомка Лилит.

Каково же тебя ожидает похмелье –
Представляешь? О, нет. Но, от страха дрожа,
Пить похмелье боишься, робеешь пред зельем...
Из убежища мглы тебе страшно бежать.

Но захочешь и ты – постоянного счастья,
Из которого даже и выхода нет,
И тебе надоест Князя Тьмы сладострастье
И лукавая правда, и ты сатане

Дашь пощёчину, и – Судный День разгорится
Искромётной зарёю над адом Земли,
И его, шалопая, накажут жар-птицы...
Вот тогда-то ко мне ты приедешь, Лилит.

И – ты вспомнишь Адама в столетних морщинах,
Люцифера забудешь, он станет чужим,
И поймёшь: существуют другие мужчины,
И за счастьем надёжным – ко мне прибежишь.

Пусть кровавые дервиши пляшут с зенитом,
Их сознания – фантомов рисуют вдали.
В Судный День, когда всё навсегда станут квиты,
Ты ко мне переедешь, дикарка Лилит.

РЫБЫ СТИКСА

Хитрые глубоководные рыбы,
Хищные холоднокровные рыбы,
Рыбы, живущие в омутах Стикса,
Зыбко петляют меж серых полипов,
Слушают гул человеческих всхлипов...
Рыбы тебе не позволят забытья,

Будут играть тобой в кегли и в теннис,
Будут обглаживать душу их тени...
Странные глубоководные птицы...
Грея себя на серебряных волнах
И укрощая глубокую полночь,
Рыбы тебе не помогут забытья...

Солнце! Не чувствовать, не задыхаться
Так непростительно долго – двенадцать
Жизней – простительно! Это приводит
Лишь к атрофии всех нервов и лёгких.
Солнце, я знаю, зачем тебе плохо
В этой воде и её хороводе.

Дьявол распят на кресте. Эти рыбы,
Эти несчастные глупые рыбы
(Их ненавидят и боги, и люди)
Ждут понимания и милосердия
У водолазов, замеченных смертью...
Ты постарайся от них улизнуть и

Выплыть на остров в течении Леты.
Тот, кто утонет – упустит победу.
Мрачные птицы плывут к водолазам.
Глупо на них обижаться и злиться.
Будь милосердна и к ним. Эти птицы
Просто не видели Солнца – ни разу.

УСТАЛОСТЬ

Пока метель водила сквозь хрусталь
Твои глаза –
Я, съёжившись, возненавидел даль
И небеса...

И потонул наш материк, пока
Блуждала ты,
И я устал, следя издалека
Считать версты.

Пока ты сомневалась в силе крыл
Твоих, моих –
Я лилии всем ангелам дарил
С полей земных...

И вспоминал о нас, которых тьма
Не смела знать...
Мы верили, что истина – тюрьма,
И плыли вспять...

Но мы искали истину в печи
И за окном,
А за окном рыдали палачи,
Стучались в дом...

Теперь я знаю, что в те дни, весной,
Вдали от нас –
Та истина, не прячась за стеной
От диких глаз,

Была убита выстрелом в упор
Хулиганьём...
А мы не знали, жили... – до сих пор
Живём былъём...

Но умножает ночи темноту
Игра зеркал.
Я ждать устал. Забыл, кого я жду.
Я ждать устал.

МАВЗОЛЕЙ

1.

Здесь зори-близняшки мгновенное старят.
Не злись! – эта тризна не только по нам.
Под оргией слитка расплавленных зарев
Стоит Мавзолей человеческим снам.

В торжественный анабиоз Мавзолея,
Бесстыже фальшивя, вонзается гром.
Заря продувает туманом аллеи
И в сквере гадает заря на Таро.

Так быстро осыпались храбрые стены
Моих монолитных литых крепостей.
Твоих ледоходов вскрываются вены.
Твои попугаи верны темноте.

Здесь водят валькирии за руку умрых.
Баякают зарево веки страниц.
Не стоит сдаваться. Придя в этот сумрак,
Мы с первой секунды – упавшие ниц!

Здесь книги забыли язык человеческий,
И ветер – портреты на зданиях стёр.
На некий Исход опоздали предтечи.
Мы лишние здесь. Не печалься. Пойдём!

От нечего делать шумят парусами
Заброшенных яхт – поколения муз.
А мёртвые с мёртвыми справятся сами,
И ты в этом мире – уже ни к чему.

2.

И у наших героев осыпались маски,
И под ними – мутантов увидели мы.
От такой неуклонно-безжизненной ласки
Только лёд может таять, таясь от зимы.

Дребезжали цветы в легкоплавких туманах.
Оказалось, что Сумрачный Бог – шарлатан,
Но и мы, оказалось теперь – шарлатаны,
Его верные слуги из звонкого льда.

Оказалось, что хрупким уютнее – в домне,
Чем в окопах безжизненной злой синевы,
Что не только лишь мёртвые мёртвых не помнят,
Что забыли давно и живые – живых.

Оказалось, что есть только заросли молний
В непролазной чащобе воркующей тьмы...
Нас теплом никакая звезда не наполнит.
Только мы расточаем тепло, только мы.

Ты заспиртован в утлой колбе Пиренеев,
На столике – Фужеров Счастья бурелом.
Увидишь зло в лицо – и тут же онемеешь.
Познаешь зло и – станешь этим злом.

Зачем ты – на дороге, веря в милосердьё?
Зачем ты светел, несмыслённый человек?
Единственным, чем награждён ты будешь – смертью.
Сойди с дороги. Это мой совет.

Здесь станет родиною кладбище – любому.
На удочках – весь оцифрованный народ.
Сойди с пути. Исчахни. Сгинь. Повесься дома.
Но главное – не двигайся вперёд.

Есть только «Позади», и путь твой – лжив и ложен.
Куда бы ты ни шёл, чего бы ни искал –
И впереди, и позади – одно и то же:
Меланхоличный дьявольский оскал.

НЕОБРАТИМОЕ

Город, монстр тысячеголовый,
В ломкой тишине
Сбросился с моста
В водяную гладь.
Смерть своим сегодняшним уловом
Хвастается мне,
Разомкнув уста,
Чтоб поцеловать.

Следующий город, снежно-зыбкий,
Звякнув дрожью крыш,
Прыгнул из окна,
Как плевок – в панель.
Смерть диапазон своей улыбки
Удлинила лишь,
И меня она
Повела в постель.

Видно, мода на самоубийства –
В суете земной.
Обрывая нить,
Мы свободны впредь.
Глядя на победное витийство
Смерти скоростной,
Как не уступить,
Как не умереть?

СИАМСКИЕ ТЕНИ

Сиамские тени сидят на бордюрах
И кротко гордятся своею фигурой.
Они – патриархи лучей златокудрых.
Их спрашивал кто-то курносый и хмурый,
Как близко до утра.

Сиамские тени у нас – ницшеанцы,
Но кошки – не сыщики вычурных радуг,
И чопорных ратушей кошкам не надо,
А надо им пристально-призрачных танцев
И лунного яда.

Но людям не видно кошачьего ада:
Ва-банк не играют, не просят пощады,
И каждый декабрь я след твой теряю
Под снегом, которому нравится падать...
Как близко до рая?

Сиамские тени тебя пеленают
В кипящую ткань моего Адонаи...
Люблю твою память, свою – ненавижу! –
В твоей так уютно, в моей – проходная...
Срывает афиши

Расчетливый непререкаемый ветер
На самом рассвете, на самом рассвете,
Афиши с анонсами Армагеддона... –
Ведь до сих пор рожи нам корчит крик сплетен,
К кресту пригвождённый.

Горит Аркаим фиолетовым блеском,
Лишь миг и: не город уже – арабеска.
Стоит, ощетинясь. Беспомощен реверс.
Глаза неподвижные, лунные – резкость
Наводят на север.

И, кажется, их испугать – невозможно.
Волынки сознания проветрены прошлым.
Но свет был в туннеле и только в туннеле,
И всё было тускло снаружи и ложно
Под пеплом метели.

Я вновь обрету всё и вновь – проиграю.
Сиамские тени так просто сгорают
И каждое утро бегут к человеку...
И каждый декабрь я след твой теряю
Под снайперским снегом...

По лестницам вниз пешеходами наго
Нисходим в сомбреро
В чешуйчатый мрак закаленного страха...
Враги Люцифера...

От Дьявола к Богу, и снова – к могиле,
По кругу печали...
В три хода нам мат, как всегда, объявили...
Наш враг – гениален.

Снопы наваждений ночных – всё багряней.
Все мраморней – ночи.
Погоня за смертью – в гранёном стакане,
И если ты хочешь,

То станет любое кольцо – обручальным
На каждом из пришлых.
Но мы – безнадежны, и всё – неслучайно
В костре неподвижном.

Адам не любил яблок
И потому остался в раю
Наедине с собой и своим бродяжничеством,
Снящимся седой Еве.
Ему даже не пришлось вспоминать
Обезболивающие молитвы,
Ведь Отец знал,
Что время неразборчиво
И всё приводит к нулю.

А Ева воспитывала Каина,
Променив молитвы на таблетки равенств,
И храбро смотрелась в кривые зеркала,
И всматривалась в сны,
Где её муж
Неподвижно сидит
У входа в их соломенную хижину
И готовит ужин
На две персоны...

Так на Земле родилась тоска.

Ева обжигалась жареной бараниной,
Морочила головы
Раскачивающимся безднам веснушчатого заката
И злилась на мужа
За то, что
Тот любит черешню
Больше, чем яблоки.

Так на Земле родилась обида.

В водоросли дней
Запутывались медузы и пятнистые каракатицы,
Звёзды мчались навстречу друг другу,
А их отражения в мёртвой воде –
Друг от друга прочь,
А Ева сидела на глиняном обрыве
И совсем не удивлялась
Присутствию морщинок
В золотистом зеркале,
А потом – спрыгнула в бездну.

Так на земле родился Ад.

А Рай продолжал течь поперёк времени,
И Адам ни заметил
Ни отсутствия морщин на своём лице,
Ни безмолвия Евы,
А если бы заметил,
Даю честное слово,
Он полюбил бы яблоки.

Так что же, Ева, расскажи всем нам о рае,
О том, что нам давно не снится,
О том, как можно жить без слёз, не умирая,
О том, как выглядел Денница,
И что ты видела вдали – сквозь тропосферу –
У райских маявшись окраин,
И чьи мы дети – Бога или Люцифера,
Кто папа – Авель или Каин...

Прощенья не проси у всех своих потомков.
Они тебя давно простили.
Поверь: когда-то кто-нибудь из нас, из ломких,
Пришлёт цветы к твоей могиле.
Когда поймёшь, что день – настал, ныряя в зори –
В лицо рассмейся бездне,
И выключи все маяки в прозрачном море,
И, выключив – воскресни!

Внимательно подслушивай течение времени
Сквозь жабры раковин морских.
Ведь сплюнет океан в каком-то декабре меня
На берег, в хищные пески.

Найди следы руки моей на древних крейсерах,
Распробуй кровь мою в воде
Вот этих наводнений, океанов, гейзеров...
Мои улики есть везде.

И будет пауза. Молчанье певчих раковин
Морских – тебя насторожит.
Ухмылки будут с каждым днём всё одинаковой
У неприкаянной души.

В иных мирах ли, иль в иных тысячелетиях
Искать тебя – не скажет Высь.
Кольчуга следопыта видит в нас комедию.
Найди, найди меня! Явись!

Я вижу в небесах кровавые стальные ножницы,
Времён взрезающие ткань.
Но ты успеешь. Ты зарю возьмёшь в помощницы.
Ты будешь вовремя. Предстань!

ПТИЧЬЕ МОЛОКО

Эмбрионы осени рыбачили вдали.
Штормовая тишина спала в каютах.
Мы здесь были. Мы на миг в сознание пришли,
Маршируя по дороге в Никуда из Неоткуда.

Всё, что есть теперь – пустые россыпи штормов,
Спрятанных в шкатулки, где им, якобы, уютно...
Нам не проще оттого, что снежною зимой
По дороге в Никуда из Неоткуда – многолюдно...

Всё, что будет впредь – пустые рассказы о том,
Где пылает Андромеда, вспугивая темень,
Что за ящеры ночуют в море, подо льдом,
И зачем остановилось в миг разлуки нашей Время...

В ПРОФИЛЬ

Нет яви. Есть – воображенье.
Очнись от спячки, и тогда
Лишатся смысла все движенья
И всех нас в мусор пустота

Сейчас же выкинет, конечно,
И ты поймёшь, столкнувшись с ней,
Что нет и не было безгрешных,
Да и греховных тоже нет,

Что пустота перекрестилась,
Запутавшись в добре и зле,
Что жизнь ещё не зародилась
На этой огненной земле,

Что в чреве разъярённой тверди
Зачнут червивые дымы –
Единство времени и смерти,
Единство памяти и тьмы,

Что потому всё в мире – тайна,
Что ничего в помине нет,
Что миражу мираж случайно
Приснился в обморочном сне,

И тот взаимностью ответил,
И миражи, спускаясь с гор
И убаюкивая ветер,
Друг другу снятся до сих пор.

Их ветер сдул уже с пустыни,
И сны их – стали сниться: нам,
И, утонув в движенья линий,
Мы сами снимся этим снам.

Взгляни на смерти зароженье
Извне, и ты поймёшь сама,
Что жизнь – невольное виденье,
Что мир – оптический обман.

А мы – внутри! – живём и тужим,
И веруем, что мир – живой.
Взгляни на этот мир снаружи
И – не увидишь ничего.

ЭЛИЗИУМ

Зачем я украл у него бродяги
Во взрослую Комнату Страха – билет?
Здесь все – беззащитны, бесцельны и наги,
Но каждый сотрёт – предыдущего след!

Здесь люди боятся всего, кроме смерти...
В песочных часах похоронена тьма.
И нас – в многомерном грядущем – начертят
Сиамские тени сошедших с ума.

Довольны осечкой бесцветных знамений,
Они – словно мы: тоже – некуда пасть,
Они – словно счётчик застывших мгновений.
В утробе кощунства Земля родилась.

И мудрые люди в безумное время –
Лишь: ржавчина крыльев в седых небесах,
Смирительной жажды тягучая темень,
Гремучая, ловкая лень беглеца...

Меня позовут: не откликнусь! Зовите
И ждите! Когда-то ждал я: не пришли!
Здесь каждый – Иуда, и каждый – Спаситель!
Здесь все – крепостные, и все – короли!

И людям не надо ни зрелищ, ни хлеба.
Привыкли: и верить, и ждать – на бегу.
И только румяное пухлое небо
Прокуренным басом твердит нам: «Агу!»

КУДА?

Бессонницы огненных знаков
По лысине неба скользят.
Я даже не думаю плакать.
Пришельцы не плачут. Нельзя.

Но время не может – обратно,
А мы не желаем – во тьму.
Слова никому не понятны.
Слова не нужны никому.

И смысл печали таёжной –
В плену притяженья Земли.
И мы на Земле невозможны,
Пока невозможен Delete.

Змеиный язык откровенья
Понятен любой тишине.
Закат улыбается зренью.
Не смей тосковать обо мне!

МЕРИДИАН ЛЕГКОМЫСЛИЯ

ПОЩЁЧИНА

Пожертуйте Богу на водку! И – к чёрту
Его доброту!
По круглой Земле, от парадов протёртой –
В безумьи, в бреду –

Не жизни жилец: натюрмортов, портретов! –
Я шёл сквозь пески,
Бесследно склевавшие чьи-то победы,
Ища тайники,

Болотные свитки, где имя таится
В немых тайниках,
Своё ожиданье, как мёртвую птицу,
Носил на руках,

Где бабочки – ястребы, бледные, ищут
Тебя в небесах,
Где время дорогу теряет, как нищий,
Закрывший глаза,

Чтоб эти глаза бы – стервятник не выпил,
Как цепкий крышон,
Акустику лунно-соломенных выпей,
Небес капюшон...

Шальной переключкой зари и бессонниц,
Термометром склок,
И памятью, знающей карту ладоней
Твоих – назубок:

Я ждал тебя – Вечность... С момента рожденья.
Петлём без узла...
И вновь расписная душа наважденья
Меня подвела!..

И тысячу лет я мечтал безответно
(Всем людям – в пример!),
Что здесь, на заре малокровной и бледной,
Однажды – теперь! –

Отчаявшись, я прокричу твоё имя
В воронку небес,
И ты мне на ухо губами сухими
Прошепчешь: «Я здесь!»

ОКОЁМ СЛЕПОТЫ

Опаздывающий на казнь
Незамедлительно и точно,
Дантес мой, друг – палач – соблазн! –
Ты улыбнулась внеурочно!

Нас кто-то смехом запугал,
И жернова подводных зодчих
Спилили корни томных скал,
Где заплетали косы ночи.

Монетой с тысячью сторон,
Упавшей в прорубь паранойи,
Не оплатить счастливый сон,
Который нас пытал весною.

И в глазомере слепоты
Нам не простить такую осень,
Где есть – отдельно – я и ты,
Где нас в карманах Завтра носит.

Друг другу нечем угодить,
Ведь дебри дней – из парафина.
И очень хочется простить,
Но понимаем, что – невинны.

ТРАУРНОЕ ЛЕГКОМЫСЛИЕ

Варварский город пожаром разграблен.
Грех побеждён.
Падают с неба мои дирижабли.
Армагеддон.

В дымные сумерки падают совы
Логикой дрём.
Где ты, принцесса лавин лепестковых?
За пустырём.

Щупальца зрелищ, излаявшись, лижет
Хватка руки.
Как я попал сюда? Всюду – где вижу –
Лишь тупики.

Чудится мне откровения йогурт
Серым на вкус.
Сдаться тебе лишь могу я, а Богу –
Я не сдаюсь.

Щедро опилки луны, словно черти,
Тонут в вине.
Лучше Гоморра с тобой, чем бессмертье
Наедине!

Меридиан легкомыслия – слева.
Справа – тайга.
Холодно... Где ты, моя королева?
Где облака.

ПСАЛОМ

Мы, скормлены печали,
Которой поят нищих,
Давным-давно узнали,
Что мы друг друга ищем...

Об этом нам сказали
Закаты и метели,
Прохожие, соседи
С пчелиными глазами,
И омуты проталин,
И мятные капли...
Но мы друг другу в этом
Должны сознаться сами.

«ОТТЕПЕЛЬ»

Шагнувшая в оттепель жажды,
Минуя неоновый снег,
Была я со всеми и с каждым,
И мной был любой человек.

Монетами море давилось
И кто-то меня настигал...
Кто звал меня? Я – появилась!
И – столпотворением скал

Столетние серые тучи
Бросались от нас наутёк,
И был им хозяином случай
А нам был хозяином Бог.

О свет маяков чьи-то вёсла
Ломали свои позвонки
И город обманчиво-взрослый,
Ложился под наши шаги.

И в мраморной одури дрёмы
Ступени считали тела.
Была я и музой, и домом,
И чьим-то трофеем была.

Звонарь полоскал колокольни
В лежалой реке авеню.
Но чьих-то надежд треугольник
Наивным покажется дню.

Пила ночь и охру, и сталь, но...
Очнулась: беззвучный квартал...
Никто в этом мире хрустальном
Судьбою моею не стал...

Но, сверстница идолов зыбких,
Покинув небес Колизей,
И всем подарив по улыбке,
Я стала судьбою для всех.

«МИЛОСЕРДИЕ ВСЕВЫШНЕГО»

Курсив стального горизонта –
Как пасть пантеры саблезубой –
Анестезирован зарёй.
Мои – повсюду в небе – зонды,
Но вот опять (и правда, глупо!) –
Мы одинокими умрём.

В снотворной тьме уснуло сердце.
В дремучих шахтах небосклона
Уже отмучалась мигрень.
Её сменяет пульс инерций –
Сердцебиенье Вавилона –
И первобытная сирень.

И если мы ещё не слитны,
И мне неведом твой румянец,
И если Бог нам не помог,
Таким святым и беззащитным,
То Он – дурак и самозванец,
И нам не нужен этот «Бог».

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ОТКРЫТКА

Рождество. Спешат спастись. Волхвы младенца
Тут же, сразу – распинают на кресте.
За углом грохочет призрачно Освенцим,
А Иуда звонко ходит по воде.

И болит, как прежде, голова Пилата,
И Господь уходит в спячку, на ночлег,
И за миг – всё это, этот весь театр –
С головою погребает красный снег...

Я бы продал свою душу даже Богу,
Чтоб зима не начиналась никогда!..
Поздно. Снег, который я не смею трогать,
Ибо стану изваяньем изо льда...

И душа моя продажная, к тому же,
Даже Богу, даже Богу – не нужна! –
У Него в гостях – бесчисленные души,
Миллиарды душ и каждой грош цена.

ПАРИ

Это затмение пророчит амнистию
Всем безнадёжно влюблённым.
Кольца Луны годовые на листьях
Пальм штормовых цепенеют.
Заняты звёздами полосы взлётные...
Серфинг на гребнях циклона...
В оледеневшее небо холодное
Я – только падать умею.

Души проносятся мимо и светятся...
Этих, чужих – мириады.
В самом конце, уже при смерти, встретятся
Наши чудесные души.
Самое близкое и сокровенное
Явится к ждущим – наградой.
Нам запретила встречаться Вселенная...
Нам ли Вселенную слушать?

УЛИКИ СЧАСТЬЯ

Кляксами слёз на ладони у феи
Линия жизни размыта стремглав.
Перед Тобой Атлантида робеет
И времена обнажают тела.

Законсервирован в снах и отчаян
Жаркий салют оголтелой мечты.
Мир разноцветен, причудлив, случаен
Лишь потому, что на свете есть Ты.

Рыжеволосые – плачут – дриады.
Перед Тобой пресмыкается Ад.
Что пожелаешь Ты вместо пощады,
Приговорённая жить наугад?

Зеленоглазым наядам не сладко
Слизывать иней с трепещущих рук.
Падшие души не станут осадком
В миксере полифонических вьюг.

Вечность завянет, История скиснет.
Ночь перевёрнута вверх головой.
Ангел мой, Ты отвернулась от жизни
Лишь потому, что и я – не живой.

Руки несут сквозь земные измены
Флаги лиловые, словно корвет...
Все ипостаси твои совершенны,
Только Тебя, переменчивой – нет.

АЛГОРИТМ СВЕТА

В намагниченном свете весны
Разбегаются тени.
Воздух густ исподволь.
Мы горим? Ну конечно, горим!
Задышается табором писем,
Сожжённых, как феникс,
Близорукая почта
Не вовремя смытой зари.

А трамваи
На запах доверчивых зёрен проталин
Муравьями бегут
Сквозь чуму позолоты дневной.
На жёстоком термометре
Апокрифической дали –
Невозможно! – плюс сорок по Цельсию.
Тропики. Зной.

И курортные бабочки
Греются до исступленья.
Перекопан весь воздух
Их крыльями, как огород.
Невесомостью времени
В море порхает затмение,
Как медуза в сухих лабиринтах дождя,
Как тавро.

Где когда-то жарой,
Словно персики звёзд, налились мы,
Там экватор сейчас,
Там пьют чай водолазы глуши.
И когда-нибудь,
Знаешь ли ты,
Припаркуются письма
На обочине самой манящей души.

ПРИБЛИЖЕНИЕ
ВОЗДУШНОГО ВЕКА

ВИСОКОСНАЯ ВЕСНА

Пёстрая ночь первобытна и, будто бы нега в колодце,
Двигается осторонь далее и мшистые росы лакает.
И ни слезы здесь, над бездной, ничьей
никогда не прольётся,
И ничему не дано будет имя. Ведь, оберегаем,

В едком своём обнаженьи,
у самой воды, первобытный
Сверхчеловек, брезжит,
пенится в неводах дымной сирени.
Изгнанный из хризолита безвременья, луч очевидный
Учит двух ящериц, падчериц камня, отбрасывать тени.

Помнит о свете искристый глашатай
с глазами пантеры.
Живы лишь в зрелищах, мы заклеим
бутафорию судеб.
Даже врождённая жажда реки,
утлый вздох атмосферы
Не потревожат сомнением нас, утопающих в чуде.

Свет мой, в нетронутом небе
торжественно наше паденье.
В невысокосном году здесь
случилась весна высокосной.
Мы здесь навеки и знаем об этом
с момента рожденья.
Нам непременно запомнятся все высокосные вёсны.

Каждой глубио друг друга навек очарованы, ищем
От всего и от всех в их объятиях – противоядья...
Это – водоросли ошалевшие на пепелище
Невесомого эго, накрытого водною гладью...

Лишь одно легкомыслие нам позволяет друг другом
Овладеть до конца, в каждой капле навеки срастаясь:
То, что ты для меня – и дитя, и сестра, и супруга,
То, что ты для меня – и бесёнок, и зверь, и святая...

Только в этом отличие, только поэтому ровня
Мы – друг другу, для всех остальных
априори – мустанги:
То, что я для тебя – и ребёнок, и брат, и любовник,
То, что я для тебя – и журавль, и ястреб, и ангел...

ДЕНЬ НАСТАЛ

И тем яростней, тем обреченнее я понимаю,
Что бессмысленным ворохом прошлое было твоё,
Бесподобно-ненужной прелюдией к очарованью
Тихим плеском ладьи, распоровшей ночной водоём;
Твоё прошлое – льдов столкновения сцена немая,
Непригодные дубли, развратных богов образа...
Нам запудрили наши сердца

злоклучений вливанья...

Мы могли бы стать неразделимым лет восемь назад.

Литургия последней звезды, полусном окроплённой,
Своих жертв ледяных прекращает обратный отсчёт...
Всё то время, которое ты была верной кому-то,
Всё то время, которое я мотал с кем-то ещё –
Мы должны были быть одной бурей,

и птицей, и кроной,

Одним целым, одним неделимым,

скрестившимся в – Высь.

Мимо стольких счастливых минут

мы прошли, как Иуды!

Лишь теперь, ближе к финишу,

свет мой, мы всё же срослись.

ВСЕ БАШНИ

ВСЕ БАШНИ...

Всё неестественно теперь предрешено,
но обречённым быть – кощунственно приятно,
ведь обречённость – это просто ночь,
уверенность в дне завтрашнем, невнятном,
по крайней мере. То-то и оно.

Да, башни все – повержены давно
трухлявым ветром, взбалмошной водою,
эффектом Страшного Суда, эффектом Домино,
и мимо них – уже не так, как под конвоем,
иду – среди колеблющихся стен,
руин, гордящихся избытком трещин,
и принимает почвы мокрый гобелен
мои следы, как самые обыденные вещи,
и дождь грозит очкам – как ранее окну –
намёком на слезу или, возможно, глаукомой,
но – всё равно глазам, познавшим тишину,
и всё равно ушам, отведавшим отдышку грома...

Следы мои – за мной – всё глубже: борозда
их точно как разломы тверди – под травую...

Вот так заболевают навсегда...
Вот так Земля раскалывается надвое
и распадается, как взломанный кокос,
на две неравноправных половины
по линии следов моих, по курсу метких гроз
и по маршруту башен, рухнувших картинно...

А я – иду, как шёл, Седое Существо,
следы всё множа, и не чувствуя того,
что нет уже ни тверди, ни глубин бездонных,
и болен – всем, и умираю от – всего,
и наименьшее из тысяч зол – быть обречённым.

БЕС В РЕБРО

Да, наш предок – пробирка. Увы, эволюция – блажь
Удалых чингачгуков мышленья,
Белокожих индейцев науки, плетущих коллаж
Всех просчётов, догадок, сомнений.

В этих недрах, сбиваясь, спивается пульс Паганини,
Снится марионеткою Дарвин
И бредут чингачгуки среди земноводных актиний,
Каждой симпатизируя ларве.

И подопытен мозг, и подопытны мысли и разум.
Гулко недрствуя в сновиденьях,
Мы кладём полоумие в хрупкие алые вазы,
В суету этих камер хранения.

Ночь хранит ароматы всех лун, что упали, взлетели,
И букеты всех звёзд – под копирку.
Мы же – каждую ночь, засыпая в болотной постели,
Угождаем всё в ту же пробирку.

ЗАЖИВО

В топлёном небе – таянье
Литой лавины Мироздания...
Я знаю, что отчаянье –
Фундамент моего сознания.

Пусть айсберг без фундамента
Плывёт бесстрашно в пойму юга.
Рука – в руке, беспаятно:
Кому – куда. А мне – по кругу.

РОДОСЛОВНАЯ

И мы, дома свои оставив – корабелам,
Прижались (каста полоумных!) к высоте,
Мы – с башнями срослись в одно, душой и телом,
Мы – целое и часть, мы – божества в беде,

Ведь, помнишь, башни все – из Вавилона родом,
И, знаешь, все они упасть обречены,
В песок зыбучий ли уйдут они, под воду –
Мне судьбы их ясны, мне их пути видны.

Они падут. Кто раньше, кто – за гранью граней.
Те, что успеют раньше – обретут покой
На время, но – когда-то Вавилонской станет
Любая башня, низкая ли, высоко...

У них у всех судьба – Берлинских стен бесстрашной,
Тянуть нас в секту дней последних, их вериг
(Берлинская стена была ведь – тоже – башней,
Но, правда, к счастью, – почти полой изнутри)...

И есть ещё у каждой башни – своё имя,
Но на одно лицо мы здесь, теперь – для тьмы,
И башням неизвестно, что случится с ними,
Но башни знают, отчего погибнем мы.

Мы все здесь – узелками – в секте Вавилона,
Здесь, в резервации времён последних, как –
Себя, себя самих – удушливые клоны
В фойе Театра после третьего звонка.

Мы в Заповеднике немотном – без движенья,
В немых силках остановившегося дня,
Пришедшего за Вавилона разрушеньем,
Одетого в кристаллы чёрного огня.

Здесь – обморок Атлантов, морок звёзд и пламень,
В эпилептической горячке бьётся миг,
За нами все следы – потеряны богами,
Метелью сметены, засыпаны костями...

И башни – Небосвод затягивают в секту
Уже, чтоб стать его промозглым палачом,
Чтоб с ним внутри погибнуть, как погибли те, кто
Богами прежде был и мог бы стать ещё.

И это Небо, и последний Архитектор –
Уже навечно в этой секте, в этой тьме,
В которой заживо народы гнили, все, кто
Покинуть дом и к высоте прильнуть посмел.

И этот полый мир – с его круговоротом,
И неба головокруженьем – мёртв до дна.
Ведь, помнишь, люди все – из Вавилона родом,
И башни все – ждёт то же, что сгубило нас.

КРОМЛЕХИ ГАРГАНТЮА

Башни – головокружения игом
Прокляты все и – до остуپی в кому –
Каждая башня боится вертиго,
И – никогда не бывать по-другому.

Башня чем выше, тем крепче боится
Не удержать своего равновесья,
Ежели вдруг голова закружится...
И обратиться в камней мракобесье.

Кружатся головы всех, кто есть в башне,
В эти мгновенья, когда страх безмерен,
Кружатся птицы – всё многоэтажной,
И – птеродактиль, и – археоптерикс...

Изморозь ветра, решившего тикать...
В каждом мгновеньи – саднящие вьюги...
Башни чем выше, тем крепче вертиго –
Крутит их, будто камней центрифуги.

Жмёт горизонт мне в плечах, обнаружен
Башнями и каланчами седыми.
Каждая башня боится быть «лучшей»
Самой и самой высокой, и – имя

Ищет своё в лабиринтах подвалов,
В коконах библиотек и читален,
Чтоб, не дай Боже, тем самым «омфалом»
Не оказаться – случайно, летально –

Башней, той самой – чумной, многолицей,
Башней, носящей клеймо Вавилона...
Каждая башня трепещет, боится
Быть Вавилонской, и в том – эталонной.

Каждая башня мечтает о том лишь,
Как не нашлось бы на всём белом свете
Той – Вавилонской, проклятой (о, кромлех
Гаргантюа! Эгеона наследье!)...

Все они – делают вид, что – другие,
Все – плоть от плоти, – они беззащитны
Перед вертиго и перед стихией!
Тщетны мечты их, надежды – постыдны.

СЕРОЕ ВОИНСТВО

Здесь, на Земле, глубоко,
На – самом дне, по традиции –
В жертву приносят богов,
Сравнивая их с птицами,

И – воскресают они,
И – поднимаются, светлые,
В ноги упавшие ниц
Неба народу оседлому.

Но в небесах, наверху,
Неба жильцы – по обычаю –
Этих богов стерегут,
Зная повадки их птичии...

Лишь вознесутся они,
Сразу ведут на закляние
Их, то на крест, то в огни,
В жертву приносят их, раненых,

И – воскресают опять,
Боги, и – оземь, и – вот уже
Снова их жаждут распять
Люди, кадавров зародыши...

Агнцы – везде и всегда –
Боги взлетят... И так далее...
Обречена их орда
Шляться меж – боли Граалями,

Беженцы всех эстакад,
Жертвы всех тех, с кого спрошено –
В комнате пьяных зеркал,
Космосе съёженном, съёженном.

ОЗОНОВЫЕ БАШНИ

Эти боги – от века – набиты заплатами,
При любом столкновении с времён катарактами
Выпадают осадком.

В атмосферных садах всё источено шахтами,
В полоумных ветрах разбредаются атомы,
Их всегда – в недостатке.

Шахты-Левиафаны (сетчатка затмения) –
Башни вверх головой, наизнанку – в забвение,
Бронхи штолен – в припадке...

Небо шахты – затмение солнца бесцветного,
Трубка мира, чадаящая в стол до победного...
Круг звезды – одномерен –

Словно колокол чёрный, весь – искрами чёрными,
Светом чёрным исходит и воздух – аккордами,
Выпотрошен и скверен.

Под Пизанскими шахтами – круговоротами
Помрачений – мир стынет хромыми исходами,
Кляпом – в рот атмосфере.

АНТРОПОЛОГИЯ

Глянь, в этих башнях больных,
В башнях цинготных озоновых,
В сполохах неба неоновых,
Будто цыганские сны,

Кружатся, кружатся над
Мегалополиса навями,
Став кислорода забавами,
Первенцы всех буффонад –

Армия лёгких мессий,
Тех, что на небо возносятся
(перьями – оптом и в розницу)
По недосмотру ветров

(не сверх-искусственных сил),
Просто от собственной лёгкости...
(лёгкость – существенней ловкости,
ветреность – вещней костров...)

И потому мы хотим
Быть – как они, чтоб без зауми
Нам – обойти все шлагбаумы,
Чтоб всем богам – по пути.

Лестницы в небо – мираж,
Есть только – чересполосица
И геркулесовых гроз массаж.
Небо, входящее в раж...

Каждый здесь ляжет под нож.
С неба на нас уже косятся.
Все-то мы ходим под космосом.
Что же с него ты возьмёшь?

Каждый судьбою взбешён.
А я оставляю кровавую полосу,
Такой себе адский крюшон,
Стерильный, как мир, впавший в кому от голоса
Моего
Чистоты.

Корни башен – конечно же – бездны аидовы,
Словно корни деревьев водою, пропитаны
Эти корни водой Пустоты, что – колодцы –

Все они... Из камней все простенки их скроены,
И водой не колодезной – мёртвой – напоены,
Только ею – любая из башен напьётся...

И чем выше великие башни вздымаются,
Тем безвольнее, глубже их корни вгрызаются
В водоём Пустоты, бесконечный и пресный.

Какова ж она, Мания – Эго! – Величия
Пустоты? Каковы её пленниц обличия?
Какова же Она, Вавилонская Бездна?

АЗБУКА МОРЗЕ

Мерно трудятся и ткут станки чудные, ткацкие
Каменную пряжу башен из подручных средств,
В поле всходят в шахматном порядке
Башни – инкубаторы, могилы братские
Для межклеточных существ,
Сейфы без ключей и кладки.

И станков дыханье – тарабарщина, бессмыслица,
Но их выдох каждый в воздухе – окислится,
Будто крики замурованных – в бездонных каланчах.
Люди – существа, которые нигде никак не числятся –
В них живут, и с ними рядом жизнь влачат

Совершенства красоты – инкубы и суккубы,
Что друг к другу приближаясь, пьются...
В небе красная луна идёт на убыль,
Башен Вавилонских корневища-каракатицы
Курс меняют и растут в надир, как трубы.

В каждой башне – одинокий человек, и никогда ему
Не увидеть свет соседних маяков, пожарищ
Сквозь хтоническую тишину и тьму,
Не увидеть зарев ада и небесных звёздных зарев,
Он – в своей тюрьме, в своём доме –

Не расслышит криков диких птиц
над шахматною пашней,
Гула розового моря,
алых взрывов и стихийных бедствий,
Не услышит криков человека с башни по соседству,
И не докричится до него,
жильца ближайшей башни...

Даже если кто-нибудь рассыплет
по миру военную сирену,
Воющий сигнал тревоги, паник обиталище масонское,
По чьему-то умыслу, с чьего-то ведома,
Ни один из них, живущих в башнях,
не услышит через стены
Эту странную морзянку, пульс набата, и поэтому
Каждая из этих башен – Вавилонская.

ЧУЖЕСТРАНЦУ

Если, путник, ты шёл сюда от вавилонской блудницы
Отдохнуть или скрыться от рыжих коней в этих стенах,
Будь готов или с матерью нашей землёю сродниться,
Или с пеплом костров. Будь готов.

Это здесь, в наших башнях, которыми, духи, владеем,
Демо каждого слова в пробирках мешалось степенно,
И коллоид нирваны мерцал при луне – чародеем,
Средь тепличных таинственных льдов.

В заземлении ангелов – оранжерея истомы,
В бронированном воздухе – таинств сгущаются краски
И теряют рассудок слова, и бросаются в омут,
Где идёт этих слов демонтаж.

А над падалью мыслей кружатся безглавые грифы,
Изумрудная капля дождя раскрывается в вязкий
Бирюзовый колосс хризантемы, букет от Сизифа,
В стратосфере горят города...

Заземлением башен довольны казались все птицы.
Заземление наше исчезло, как будто и вовсе
Его не было, будто и должен был в ночь раствориться
Темноты испарившийся тяжеловес.

И вот здесь, где любой зиккурат
вырван с корнем, как ветер,
Чужестранец, теперь уповать на богов приготовься,
И попробуй понять, как нам было спокойней на свете,
Каково – с заземлением или же без?

В АРКАНЕ XVI

И календарь сам от себя отстал, и Гринвич скомкан...

Аркан Шестнадцать в воздухе разлит

гортанным гулом...

У рек – нехватка крови, океана ломка

От этого, впервые, океан на кровь – почти акула,

И Марс – в созвездьи Башни – словно дома,

И городов, родившихся под Марсом,

опухоль, саркома,

Экземы крошево, созвездие горячих вечных точек,

Что видно, видно с космоса и днём, и ночью...

Весь этот псевдо-мир, вольноотпущенник – Варавва,

Носящий тысячи названий, прозвищ, кличек,

Из раза в раз рождавшийся под знаком «Дьявол»,

И погибающий под знаком Башни – обезличен,

На всех людей – одна судьба, один лишь Зодиак,

Одна душа – на двух, на трёх (приходится делиться,

Хоть души – ржавчиной покрытые, блудницы,

На части рвать их ветошь каждую,

их каждый брак)...

И вот, гадалки лихорадочно раскладывают карты,

На руки смотрят хироманты, в зеркала – провидцы,

Чтоб распознать, что ждёт меня, тебя,

и прочих – миллиарды –

В грядущем, но – увы – им не на чем остановиться,

И – видят, что в один и тот же день, уже знакомый,

У каждого, у каждой – обрывается судьба,

и в оный миг

Иссякнут жизни линии у всех, кто был людьми,

И вторят им волхвы, шаманы,

звездочёты, астрономы...

Так, катастрофы выпьют нас, как мы доили время,
Пространство, явь и навь, богов
и их смешные свиты...
Здесь ожерелье башен перевёрнутых, забытых –
Растущих барохорами везде, где Марса пало семя –
(Что из того, что им – бытийствовать
на Марсе лишь уместно?)...
Здесь низвержение – в Аид,
фатальность всех календарей,
Здесь кодеин тревог,
здесь плавятся ключи от всех дверей,
Красуется парад мифических планет,
подземных и небесных,
Здесь эволюция миров,
где царствует Аркан Шестнадцать,
Вокруг себя мы видим миллионы Данте Алигьери,
Растерянных, спустившихся в Аид,
чтоб – здесь остаться,
На девяти пролётах Башни...
Так, в шестнадцать серий

Мы умещаем всю историю людей. Но что за блажь,
Что за юродство – строить города
(о, все столицы мира!)

Под знаком Ареса? Какой фанатик дал ориентиры
Дельцов, в оружие переплавляющих и души, и тела?

Когда рождались города, что им мешало появляться
Под знаками *другими* (Фазтон, Юпитер,
Седна, Макемаке...),

Что им мешало выбрать своё счастье в Зодиаке,
Не брать *такую* карму на себя, не наниматься
Такому покровителю – в рабы, в монахи, в саваофы?
Что стоило им не расти на тех – всегда семи – холмах
И в небо не тянуться башнями, которые – тюрьма,
Где люди были скрещены и катастрофы?

Что ж, получайте днесь, сейчас, кровавый водевиль –
Созвездье красных городов, созвездие горячих точек,
И мира Дух, который был пречист, а стал – порочен,
И мир, который прямо в этот миг сдают в утиль.

ОРАНЖЕРЕЯ САЛЮТОВ

Над погостами судеб пёстро цветут фейерверки
В честь безумных, сошедших с ума
и бормочущих башен,
Под мембраной
Всех утопий промозглых, земных,
изнуряюще терпких,
Но в упор мы на небо глядим,
что нам кажется – нашим,
Осиянно.

Собираются в стаи сияний полярных пожары
И сбиваются в орды пожарища иллюминаций
Сигаретных –
Будто в зеркале отображая земные угары
Перемешанных родин, земель и смешавшихся наций
Пустоцветных...

И мы знаем теперь, что не будет салютов бесшумных,
Мы теперь каждой башни познали придворное имя,
Её знамя...
И горят, и горят фейерверки
в честь башен безумных,
Но они догорят, как один догорят вместе с ними,
Вместе с нами...

И пусть остолбенела ты, оглохла и ослепла –
Столпы-то соляные – тоже башни, это так.
Седьмое небо сплющено до плоскости листа,
И это верный знак – Мардук поблизости, он прибыл,
И время самое всем говорить «спасибо»,
Раскланиваться и бежать отсюда восвояси,
Куда глаза глядят, куда уносят ноги,
Всех башен падающих – мимо, без дороги,
По пеплу, по золе, по грязи...

КОМНАТА ЭЙМСА

ЧЁРНЫЙ ЧЕЛОВЕК В КОМНАТЕ ЭЙМСА

На острове Чёрных Людей ищем мы излечение,
Реликты шагают здесь сонмами, потчуж зренье,
Грядёт потепление похолоданья, и драм нет,
И в городе, дышащем птицами, ветрены камни,
И город – горячий вертеп –

Сад камней – многомерен,
И в нём есть просторная Комната Эймса; ей вверясь,
Мы, сами уже не свои, но, увы, среди своих лишь,
Стоим по углам, вызревая гранатами в тигле,
И плещется жемчуг в морях, но за окнами дома,
И бубны старинные метят в артерии грома...

...безумная истина в тонких фужерах – снотворным,
Слеза, расщеплённая ветром – трубою подозрной,
Уже перевернутой, чтобы не видеть, что все мы –
В сей комнате Эймса – невидимы, слепы и немы,
Попарно – одни Терминаторы и Маргариты,
И если здесь пегая ночь, то где мы в ней сокрыты,
И шаркают ставни, и город всех птиц выдыхает,
И помним, что Китеж горит, Аркаим – полыхает,
И если здесь ночь, то где яд в её кронах запрятан,
И вот мы уже понимаем почти, что – не рядом,
Что нет островов, нам родных,

городов, нам покорных,
Что в Комнате Эймса нет белых людей и нет Чёрных –
Насквозь – человеков, что в ней вообще никого нет,
И остров свивается в дудочку, в городе тонет,
И вот мы уже до конца понимаем, что нет нас,
Что Комната Эймса – без комнаты, гулкой и бледной,
И город других птиц вдыхает, и дышит свободно,
Меня века, как перчатки, Вселенной холодной.

Насилье над временем, вещая ересь
Дождей, снегопадов и прочих осадков
Всех нас, предварительно души измерив,
Убьют в перестрелке бедламов, порядков
И тут же запишут в свои же потери.

Коррозия вечности, сонный Акрополь
В кустах огневых мирового пожара,
Всех нас обратив в *сидов барреттов* копать,
Поставит нас в угол Вселенной поджарой,
Откуда ведут лишь звериные тропы.

Музей отрешенья посадит нас в юлы,
Закружит по самым вертлявым маршрутам,
Вокруг нас вращая весь мир наш сутулый,
Который всё больше от этого зуда
Крошится и корчится щебнем под мулом.

И мы положенье в пространстве изменим,
Блуждая в аулах молекул простейших,
Последних бактерий стеклянные тени,
Для мёртвых инкубов столетние гейши,
Альфонсы для мхов, вурдалаки видений.

И мы свою фазу изменим на минус,
И всё будет так, как задумано Страхом...
Но мы, не желая молчать, воедино
Творение Страху швыряем на плаху,
И путь наш от плахи лежит к гильотине.

НА ВОСТОК ОТ ПОЛЯРНОГО КРУГА

Так, лжемессией себя возомнив,
март уступает места
под дамокловым небом
нам, и в чащобах косматые рыжие зебры
пятятся в стойла
высокой тени.

Но на места лжемессий
мы заведомо не претендуем.
Мой парашют уже выпорхнул сам
из головы моей к молоху неба,
и никуда меня пули не сдуют
без его сердца и без его пульса.

Впросительный знак
изогнулся гюрзой
в полумраке прокуренного коридора.
Кувырок полярного круга,
глоток берёзового сока,
о прошлом напоминает который...

ТРЕТИЙ АВАДДОН

О, параллельный званный мир!
О, измерение иное! –
Ты встал сегодня меж людьми
Великой оспенной стеною.

Ты сто Судёб нам предлагал,
И нам хотелось Им всем – внемлить,
Но роковой ошибкой стал
Катапультаж Христа на землю.

Родись я в те ещё года,
Я б ни за что ни сделал, знаю,
На месте б этого Христа
Ни шагу в Иерусалаим!

О, пуповина паука,
Таящий логово проказы
Город! – ты стоишь пока,
Своим бессмертием наказан,

Но, знаю, ломятся к тебе
Отродьем саранчи паучьим,
Все те, кто богом стать успел,
И над тобой гнездятся тучи.

Они все ринутся сюда,
Сюда, на место преступленья
Кровавой правды изо рта,
Зубовной истины презренья.

И если Римом быть Москве,
Тебе – быть третьим Аваддоном,
И гаснет мир, и меркнет свет
Благодаря тебе, бездонный!

ТОЧКАМИ...

... Невозвращения жизнь прожигая,
Станет червивым последнее эхо
Нашего ломкого тонкого рая,
Нашего звонкого ясного смеха.

Пеной морскою обуглится ветер,
Станешь драконом, удавкой, водою.
Пальцами к старости тянутся дети.
Мы не под этой звездой, не под тою...

Станут нам всем листопады родными,
Мы перегноем слежимся с маршрутом...
Знаешь, мне кажется, мир этот – вымер,
Или с забвением жизнь перепутал.

К эху обмякшему полые кличи,
От суеты неподвижной приветы,
Тысячи неразличимых обличий...
Мы не на той стороне, ни на этой...

Мягкие сонмы безликих созданий
В дымную реку листвы, что седою
Стала, бросаются в качестве дани...
Ты всё не с теми, а я всё не с тою...

Мир сей был создан не кистью, а плетью
Той, кто стоит на таможах циклонов.
Этот мир мёртв уже тысячелетья,
Просто он глух к поминальному звону.

Мир сей был сброшен змеиною кожей,
Тем листопадом, в котором всем спится.
Этот мир необитаем, заброшен,
Просто не знает, что можно забыться...

КРУГИ ПО ВОДЕ

Ноев ковчег утонул и не спасся никто.
У берегов лукоморья нашли его остов.
Море сбивает нас с ног, через нас течёт ток
И под ногами пульсирует карточный остров.

Курят русалки сигары и, в общем, легко
С ними найти Ариаднову нить разговора.
Море течёт под лопатками их голяком
И разгоняет им кровь чешуя кругозоров.

Кто вы, круги по воде, существа плоскостей?
И, закулисье зеркальное, зябкое, кто ты?
Платой за дружбу с тобой будет гибель в воде
Этой холодной и точно разбитой на соты.

В слух обрушается гимн бесконечной страны,
Он – о «Прекрасном Далёке», что стало жестоким.
Я удивляюсь тому, как обманчивы сны,
Как вероломны все тропы, хрупки все дороги,

Я удивляюсь тому, как все ноты, слова
Гимнов моих исказились от рук расстоянья,
Как синоптически верно слетает листва
С жизни озоновых дыр на алтарь мирозданья,

Помню, как люди в аду поправляют богов,
Беженцы мира, волхвов причисляют к калекам,
Вижу, как в мире моём не вдохнуть – без оков,
И теплокровная улица жмурится снегом.

Ноев ковчег утонул. Всё, что после – мираж.
Море сбивает нам по своему разуменью
Температуру и пульс, и, вошедшее в раж,
Топит не только ковчег, но мираж и прозренья.

РАСЩЕПЛЕННЫ (чёрное солнце)

Увы, этот мир уже полностью чёрной
Дырою засосан, вокруг её – пусто,
В котле её тесно галактикам торным,
И в урне её перемешаны с дустом –

Друг другу впритык – ады, раи, ковчеги,
Все смертные, вечные – скажем так – топлесс,
И комната Эймса была только неким
Предтечей пространства, в котором утопли.

Нас Чёрное Солнце уже поглотило,
Мы – в нём, мы – раздроблены, мы – наважденья,
И наши осколки с неведомой силой
До цифр изучены негою тленья.

Мы струшены громом, мы брошены стоном –
На жертвенник алый Последнего Цеха.
Мы – атомы, мы – пустота и фотоны.
Какая синоптика!?. Мы уже – эхо.

РЕЦИДИВЫ (пепелац сирин)

Ну вот, гремучее гнездо Вселенной – лишь одна из
Чаш *тех* весов, и Равновесие Всего, слепец,
Бросают на одну из них, и, несомненно, аист
Гнездится на другой. Ты знаешь по себе теперь,

Как ноют руки ангела в кленовом сарафане,
Взошедшего на плаху жертвой, в плачах топоров,
Взобравшегося палачом и за Топор Желаний
Держащегося, как за равновесие миров.

Он – чёрный человек... Ты тоже, днесь и постоянно –
Как белые стихи русалки, обращённой в тишь –
В сети широколиственного савана саванны,
В калейдоскоп играющего или в конфетти.

Привыкни к мысли, что ты мёртв.

И может так случиться:

О прежних вешних странствиях тебе напомнят сны –
Как режет слух глухих – полёт давно погибшей птицы,
Как ломит голову того, кто не избыл войны, –

И сны, и память – рецидив. Поделены давно здесь
На бесконечность вся Самсара, Троица – на три,
Все Жанны Д'арк мертвы,

во всех Христов забиты гвозди, –

И даже если сны приснятся, ты их не смотри.

Будь как Христос. Как Жанна Д'арк

с душою алконошьей,

Со всей её Европою, и как нетопыри.

Как храм. Как звонари. Как птица Сирин – на погосте.

Как Ной. Как белоснежка и семь гномов. You are free.

МИСТИЧЕСКИЕ НЕСОВПАДЕНИЯ

На мне распять Христа уместно, на лету
Мне предлагая стать крестом. У наших душ
Уже кипят, киша, мозоли перевоплощений,
Срываются на визг всех скоростей значенья,
Всех единиц, нолей и прочих постоянных,
И кто такой я говорить, что это странно...
На мне распнут Христа. Мы все устали так,
Что стужа нас сжигает, жар нам – холода,
И ничего не может быть таким, как наши души:
Наложённые друг на друга вулканические суши.
А где-то в Африке под кроной дряхлой Яви
Спит в колыбели снов стомиллиардный Авель...
Душа его – что стёртый с плоскости Земли вокзал.
На мне распнут Христа. Так вещей сон сказал.
Да будет так!

Изношенность любви к нулю стремится,
Изношенность небес стремится к ста
Процентам. Амальгама радуг так проста,
Что все бутоны птичьих стай готовы разрядиться...

Я в каждом перевоплощении поэт и не иначе,
Но только в этой жизни дожил я до двадцати.
Лиловый саван Коктебеля в небо запусти,
И будет Змей. Воздушный. Тяготенью – сдача.

КРАСНАЯ КНИГА

Медленный зверь возвращается в ад,
Поенный пеплом, корнями и снегом.
Что ему нынче конвой или нега,
Ведом ему только вектор «назад».

Медленный зверь возвращается в круг,
Сломленный сонмом чужих приключений,
Сквозь можжевеловый саван мигрени,
Сквозь мимикрию к ней прежних подруг.

Каждый и каждая зверя – оставь.
Сам – мимикрия огня и дыханий,
С нимбом из чьих-то сухих подсознаний,
Медленный зверь возвращается в явь.

Мимо миров, безразличных к сынам,
Согнанных в тучу движеньем обмана,
Брошенный будущим и постоянным,
Медленный зверь возвращается к нам.

Меченый зверь всех распятых мрачней:
Рыжие кони и бледные кони,
Адские твари – на каждой иконе,
Но за спиною того, кто на ней.

Средь задохнувшихся солнц-недотрог
Меченый зверь облетает, как роза,
И осыпается выжженной прозой,
Будто бы сказочный единорог.

Всё ему – меридиан, параллель,
Одновременно – экватор и полюс,
То ли над бездной ползти, то ли в поле,
То ли октябрь встречать, то ль апрель...

Меченый зверь компостирует дни,
Но – одиноки и утлы дороги
Их, ибо все они – единороги,
Хоть и зовутся конями они.

...в Коктебеле

В нашем доме, где море нас без толку ищет,
Где друг в друга влюбляются ветхие вещи,
Размножаются все вещества и предметы –
Слишком лёгкое солнце горит пепелищем,
И над ним, и под ним – волны блещут и плещут,
И лучи покрываются красного цвета

То ль мурашками, то ли веснушками, или
Негативом воздушным окажется память...
Где нас не было тысячу лет или больше,
Где мы не были вовсе, а может, не жили
Никогда – в этом доме всё создано нами,
И пока мы отсутствовать в доме продолжим,

Это синее, многоугольное море
Нас продолжит искать, натываясь на стулья,
И до белых листов зачитает все книги,
И в надежде, что мы не отринем историй
Человечьих, не бросим планетного улья,
Будет верить, что все невесомые блики

Старомодного солнца – навечно, навечно,
Что сюда мы вернёмся когда-нибудь, двое,
И поселимся здесь, среди почивших приборов,
Исхудавших лучей и вещей скоротечных,
Где нас любит, увы, только лишь неживое,
И поэтому только – мертвы мы с тобою.

РОБЕТЬ

Нам разным мирам и богам бить поклоны,
Нам с небом под разные петь камертоны,
Нам с миром под разные белые шумы
Уступчиво глохнуть и слепнуть, увы.

Где спёкшийся вакуум сердцем зовётся,
Где выжженный разум напалмом прольётся,
Где вечность из джунглей ползёт в Каракумы,
Где шепчутся статуи с нами на «Вы»

И только распятия живы, я таю,
Я, кажется, в новые боли вступаю,
В ножи под ключицей и гвозди в ладонях,
И, будто твою, кровь теряю свою.

Пустыни в зыбучих веках утонули,
Песочных часов опустели все улья...
И может, моя – твою руку не тронет
Уже, в этом веке и в этом краю.

И я междометий твоих недостоин,
И ты недостойна моих сухостоев,
Но вдруг оказалось, что я что-то стою,
Мне снова с руки замирать и робеть.

И загнанный в это пространство пустое
Песочных часов, я выбит из строя,
Но если никто никого не достоин,
Зачем я могу прикоснуться к тебе?

ЗЕМЛЯ ОСТАНЕТСЯ НА МЕСТЕ

Я долго жду, когда земля отхлынет из-под ног,
И, горизонта не примяв, уйдёт под ноги даль.
Так дымчат воздух, что в нелётную влетая ночь,
Сиреневые бабочки звенят, как тот хрусталь,

И мимо глаз моих седой уносятся рекой,
И кружится, и вертится, как мельница, Земля,
И воздух так обмяк, что от себя ему – легко,
И в барокамере такой левкой запах длят,

Но ничего вокруг, что сбить бы с ног меня могло,
И никого кругом, кто мог бы – пусть качнётся ширь –
Схватить меня за руку и спасти. И поделом.
Я слишком многого хочу: твоей руки – в глуши

Незримой и текучей, где приплюснут зев небес...
Ты ничего не можешь дать мне – даже руку – здесь.
И, собственно, чего я жду? Спит сада арабеск,
Сгорела спичка памяти, и – в вёрткой высоте

Все птицы улетают врассыпную, дёгтем в мёд
Небес извилистых, кривых, дырявых, как туман,
И, может быть, *оттуда* Кто-то за руку возьмёт
Меня. И я взлечу. А твердь – останется сама...

ПИСЬМО В БУТЫЛКЕ

Ведь рока три сошлись в одно, ведь на кону –
Три жизни, три судьбы, и лишь двоим – остаться
В живых. И то, чтоб – лучше приготовиться ко сну.
И то, чтоб – *об-ре-та-ть-ся*.

И будет тот прощён, кто спит, и тот убит, кто храбр.

А ведь ковчег – тот самый тонущий корабль,
С которого уходят крысы, капитаны...
(И что в нём делают летающие рыбы и киты?)
Пока мы здесь ещё, пока нам гнёт воды
Костей не ломит, и на своём стоят меридианы,
Давай переходить на «ты».

Покуда на своём стоят течения мироздания.

В ковчеге уже царствуют пираты и пираньи.
Пока вода не голодна, не торопись,
Мне всё равно, в конце пути, плестись,
Ползти лишь за тобой одной, и в этом суть –
Моя юдоль, один удел, одно страданье,
Единственно возможный путь.

МОЙ СОЛДАТ

Мой боец, мой солдат, я теряю тебя,
Будто армию, будто победу над злом.
Если ангелы спят, когда демоны спят,
Я тобой прикрываю себя, как крылом.

Я тобой прикрывался, ты этим – жила,
Это был твой суровый солдатский паёк.
Моя армия больше не стоит крыла,
О ней грустные песни сирена поёт.

Твоего офицера знобит, мой солдат,
И победа над злом далека, за рекой.
Я поднялся на борт, и – уносит вода
Твоего офицера домой, на покой.

ИНТЕРРАШЕНАЛ

Все люди, расстающиеся в церкви,
Все, у кого, как только «свет погас
И их – не стало», – это просто верфи,
Искусственные берега...

И если искры с пальцев – каждый вечер,
И каждый день inferно сверлит мозг,
И дрессирует голову и плечи,
Их друг на друга, как бельмо

На белое пятно, стравив, науськав,
И атомная бомба в голове
Уже срывает город с тверди русской,
Сиди, смотри на *этот* Век.

Здесь – неподвижность всех лавин и рук,
Букетом красным – все цветы-слова...
Так стынет на октябрьском ветру
Взорвавшаяся голова.

СЧАСТЛИВОМУ ПАЛАЧУ

Нам на одной планете жить,
И оттого – преступно страшно
Топиться в боли стоэтажной
И в одноклеточной глуши,

И страшно знать, как мир – знобит,
Что в каждой, каждой в мире книге
Напишут, чьи на мне вериги,
Когда и кем я был убит,

И страшно знать, что мой палач,
Хотя её узнает каждый,
Умрёт счастливо и вальяжно,
В годах, моих не помня глаз.

КАМЕРА-ОБСКУРА

О, этот воздух – всеобъемлющ, словно Каин,
И каждый раз, когда к бездонной красоте,
К диковинной и самой редкой из гостей,
Хочу дотронуться, узнать, она – какая,
И руку к ней тяну, мне руку – отсекают.

И я не понимаю, я – не понимаю,
Кто это делает, к чему, за что – опять! –
И – воздух взорванный в руке опять сжимаю,
И – сыпется весь мир, и время – мчится вспять,
К весне, не важно – к марту ли, к апрелю, к маю...

А красота – эндемик в мире браконьеров –
Нырять – тут же! – в омуты, как в отчий дом,
В свои сусальные чахоточные сферы,
И на неё глядит уже с открытым ртом,
Весь – онемевший, как на шлюху, на гетеру,

Как на юродивую, тот, кто жил лишь – ею,
Кто спал лишь с верой, что когда-нибудь потом,
Он вновь узрит – Её, святую ворожею,
Шаманку снов и явей, и – огнём ведом –
Её коснётся он, и – не дадут по шее...

И я – не понимаю, что в таком убогом
Миру ещё теперь я должен сделать, чтоб
Снискать приязнь у палачей моих, у Бога,
И право заслужить – когда-нибудь потом! –
К прозрачной красоте дотронуться, потрогать,

И если через много – в спячке проведённых
Порожних лет наступит новая весна... –
Чтоб руки не рубили мне, когда дотронусь
Я к нежной гостье, к ней, божественной, бездонной,
Которую я видел, но – не смог познать.

ТВОИ ВОДОЛАЗЫ

Твоим я был всегда, твоим я вечно буду... –
Пусть это – безрассудный ветренный туман,
Неведомо куда, неведомо откуда
Портал – то в лес осенний, то – в провал ума,

И я, застрявший в Абсолюте, как в портале,
Почти незрим и мёртв для тех, кого любил,
Пусть отперты все двери, но – закрыты дали,
Здесь был безумный ключник – морок, снов гамбит,

Никто не виноват, что лёгок саван Бога,
Что, амнезией болен, вымер Абсолют,
Что Совершенство – беспощадно и жестоко,
А в монохромном небе чёрно-бел салют,

И я, созвездья Ворона марионетка,
Почти что невесом для тех, кого я знал...
Лолиты тянутся к Лилит, Лилит – к нимфеткам,
И небо пахнет ядом, и петлёй – весна,

Цивилизации друг другу глазки строят,
Народы строят глазки тифу и чуме,
Иудам и мессиям, шлюхам и героям... –
Я твой навек... Пусть – у Харона на корме, –

Ручной, как вещь, изнеженный анестезией –
Меня туман на этот раз *сюда* прислал!
Везёт меня Харон, мой призрачный мессия,
По формалину Леты – в печь, в ядро тепла.

Со дна оцепенелой Леты – Водолазы
Твоих глубин, твои подводные стрелки –
Все – целятся в меня, и я в мишень повязан,
Как в паутину над поверхностью реки.

И если б не Харон, не плоть его триремы,
Меня б не пожалели эти визави,
Тотчас меня уничтожая, как систему
Координат, как ноль, из красной книги – вид.

Дамоклов меч над ахиллесовой пятою
Судьбы – пускай висит, пусть дышат под водой
Сороконожки пульсов, все твои конвои,
Твои стрелки, я буду нем – с твоей ордой.

Я буду ждать тебя – всегда, я твой – навеки! –
Как – человек, как – труп, погибнув и – восстав,
Хоть в радости, хоть – в горе, в – летаргии, в – неге,
Пусть даже – памятник, пусть даже – кенотаф.

БАДЕН-БАДЕН

Жди, Баден-Баден,
нас каждый вечер,
с самого ада,
где всегда «нечет».

Ты – наши ясли,
Оле-Лукойе...
Адское пойло,
в коем погрязли

мы по старинке,
иноки-инки –
наши Любви
нас приготовят...

В невод безумья,
в лёгкое эха
нас, как игумен,
выбрось – для смеха.

Каждое утро
вообразим мы,
что – живём мудро,
что – на Руси мы,

И до полудня
мы притворимся:
всё это – будни,
ими – гордимся...

Жди, Баден-Баден,
нас – каждый вечер.
Этим закатом
кончится Вечность.

Гореть в аду – за пьесы, за стихи,
За нашу искренность и знание,
За отрицанье покаянья,
За вето на свои грехи
С тобой, моя любовь, нам предстоит,
Но видит бог – а он нас видит,
Что самых истинных обидит,
Для нас с нуля создав Аид.

Т.С.М.В.

В последнем этом тупике, где можно жить,
Где два давно чужих друг другу человека
Играют в шахматы под небом, что – дрожит,
Под атомным, не тающим, упругим снегом,
Сужаются глаза и тлеет ось души,

Горит свеча и стынет выдохшийся шум
Всех оцифрованных селений, энтропию
Сполна вкусивших, это – я с тобой сижу,
И к пату нас приводят партии – любые.

Я знаю, ты должна исчезнуть навсегда.
Физически. Как тело, *вид* – из Красной книги.
Но – в пламени свечи созрели холода,
И за углом я слышу только мёртволиких,

Ведь за углом, где *так* молчат о Пустоте
Предметы, в слякоти и в Нави по колено,
Поверь мне – есть уже пустоты всех мастей,
И больше – тепловая смерть моей Вселенной
Уже, шальная, рыщет, бродит где-то Здесь.

СОН ЗОЛОТОГО ВЕКА

Так зачем ты мне пишешь спустя столько лун? –
Ведь топорщится память моя (болезнь века!).
Или думаешь, вспомнится мне, что был юн
И похож на великого был человека?

По тебе плачет высшая мера тоски,
О, моя Королева, моя Королева!..
И магнитные цепи безумий – близки,
И кустарная явь эта – справа и слева.

Пазлы улиц, танцую, обманут меня,
И письмо – будто выкидыш – это больное,
Как тебя, потеряю (так – Землю: *хранят*,
Так – ковчег *уберёг* всех, кто не был в нём с Ноем!..)

Но в расшатанном гетто моём, в суете
Божьих слёз, за хрустальными мхами презренья,
К праху – прах! Я и сам в этот прах весь одет,
Я и сам – из него, и душа, и смиренность!..

Так зачем ты мне пишешь спустя сколько лун? –
Этот век, по ту сторону от Золотого,
Пусть – уносится в нашу блаженную глубь,
Где не делятся *на* два миры и основы,

Пусть – останется белой далёкой звездой
В мавзолее своём, всеми нами отринут,
Отдыхая от нас там, где спал Золотой,
Там, где ночью не плещется ужас звериный.

Мы не стоим того, чтобы помнить о нём,
Он теперь – не ручной, да и не был им раньше,
Он увидит меня – лишь своим смертным сном,
И узнает в тебе лишь – последнюю Баньши...

Для чего ты тревожишь меня? Каково
Мне вынашивать ненависть, как метастазы,
Столько злобы (в ожогах вся кожа – Его!),
Сколько нет у всего человечества разом,

Каково мне носить эту злобу – к тебе,
О, моя Королева, и жить ещё тем лишь,
Что любви во мне – больше, чем *этих* цепей,
Чем любви у всего человечества... Внемли! –

И уже не пиши, никуда, никуда! –
Я теряю все письма, как люди – рассудок,
Как теряют людей времена, города,
Как находит нас мёртвыми позднее чудо.

...в Вавилоне

Мы уходим со сцены, как стылые мифы,
И сжигаем свои города, как трипольцы...
Ты – ищи в незабудках забвенье, не меньше,
В корабелях – заблудшую душу Сизифа,
И циклоном лети – в обручальные кольца,
И таись – в биомассе свихнувшихся женщин!

Дом стоит, как стоял и – трепещут его льды...
Нам ещё предстоит мерить кожи младенцев,
Будет время почувствовать Гердой и Каем,
И – Адамом, и – Евой, Тристаном, Изольдой...
Этот мир слишком ветренен для поселенцев,
Вавилон сингулярен и не-иссякаем,

Но когда-то – когда-то! – в преддверьи амнистий
Всех несбыточных грёз и свиданий искомых,
Мы уляжемся, будто бы бури столетья,
Мы уляжемся – точно кленовые листья –
На паркете забытого нашего дома,
Под забытой тахтой – в паутинные сети,

И когда-нибудь, нас обнаружив случайно,
Нас достанет на свет из усидчивой комы,
Из ноябрьской доисторической пыли,
Этот ветер осенний, продрогший, печальный,
Из сетей этих выметет – в мир незнакомый,
И поймёт, что мы – были, Мы – были, мы – Были...

...в Аркаиме

И поймём мы с тобою, что – были, что – Были...
Но кустарный наш мир, сингулярное гетто,
Вновь висит на распятии, тленом окуклен,
Бесконечна беда, словно трапы в могиле,
И внутри этой куколки – нами отпетой
Изнутри – всё, что есть, вырождается в рухлядь.

И мы выпорхнем – рухлядью – вниз! – будто камни,
И поймём, что нам есть куда падать, и падать,
И – в свободном паденьи – забудемся снова,
По теченью плывя там, где шепчет река мне,
И пульсирует вакуум, как канонада,
В герметичной могиле пустого алькова...

Загнанный зверь слепотой осаждён,
Держит в котомке – гербарий агоний,
И – уступает безликой погоне
Место под Вегой, всем Млечным Путём.

Сонмом пустот облицован вокзал
Судеб, куда не свернёшь – задремать.
Всем – и душой, и рассудком, и плотью –
Загнанный зверь попадает впросак.

Кто его знает, зачем он таков –
То ли по-своему жизнь прожигает,
То ли всеядные яды ласкают
Мойр по ту сторону мёртвых веков.

Хоть и не теплятся в жухлой траве
В кладезях пепла, в нордических трюмах
Тихие, тихие белые шумы,
Всё ещё слышит их загнанный зверь.

* * *

Раненый зверь – суть – обратный отсчёт.
Язвами взят он в кольцо и помечен.
Он истекает туманом картечи,
Воском и ртутью, и – кровью ещё.

Пусть Млечный Путь смотрит зверю в глаза!
Веge во ртутную лужу пора лечить.
Всё, что осталось от мира – паралич
Огненных нот в саблезубых лесах.

Раненый зверь знал свой собственный срок.
И оберег, и тотем его – нежность.
Но среди тех, кто плетёт безутешность,
Он ничего для тебя не сберёт.

Словно обрыв, на котором не спят,
Словно успенье, которым не дышат,
Раненый зверь – и всё ниже, и выше.
Он – и себя не сберёт для тебя.

ЗОРКИЕ СНЫ

ГРАНД ПЬЯНО

солнце,
я не понимаю что происходит
я плохо разбираюсь в сюжетах Мироздания
я засыпаю трезвый
и просыпаюсь на пол пьяный
мне звонят и говорят что я только что звонил
я недавно ходил за тиражом своей книги
моя поэзия всё-таки что-то весит
еле донёс
я иду ко дну стакана
солнце,
напомни что у меня ещё есть
и чего уже нет
между вчера и завтра ещё есть время

я кого-то искал и кого-то нашёл
я знаю как тиргёны становятся зубрами
фонарик сдох в белую ночь
под 110 градусом восточной долготы
и 120 градусом западной дурноты
это мой город
между вчера и сегодня ещё есть время

у меня нет глаз
ни четвёртого ни пятого
моя печень превращается в сердце
одного не хватило
функции сердцем начинают распределяться
между сердцем печенью и беспамятством
каждое утро
ровно в пять
в 40 градусов
я ломаю по одной спичке

и бью посуду
чтобы что-нибудь делать
уже год во мне и вне меня
стоит одна температура
40 градусов
collllmiiii
на алкодроме Байконур жарко
372 дня праздник Алконавтики
самый продолжительный праздник
тоже юбилей где-то
между сегодня и сегодня ещё есть время

Все космонавты обратятся алконавтами

В РОТАЦИИ

Нас снова транслируют радиогрёзы...
Миры одномерны, а тени – двухмерны.
Ты видишь, как в зеркале дышит морозом
Гремящая мускулатура инферно.

Мы знаем, в кого может вырасти зависть:
Сумели колдуньи украсть наши тени,
И вновь чёрно-белая копия яви –
На первых страницах твоих сновидений.

Сегодня, с задержкой на год, тебе снится
Вся жизнь наша вместе, как есть, поминутно.
Мы падаем в наши счастливые лица
И в эти мгновения спим беспробудно.

Ты снова смеёшься над тем, чем смеялась,
И снова в тебе – Первозданная Нежность,
И больше богов – наших душ ареалы,
А время не знает, что делать с безбрежным.

А после мы падаем в лица колдуний,
Весну расстрелявших и взявших с нас слово
Устать, и тогда – пробуждаемся, втуне
Свободны, как птицы подбитые, снова.

И что через год нам приснится? Окопы
Видений гранатами станут, их – сотни.
Ни мне, ни тебе не хотелось бы, чтобы
Спустя один год нам приснилось – сегодня.

Мы – в паноптикуме, в окружении клеток,
за которыми – статуи. Крик окольчужен,
но за пазухой сердца – роятся ответы,

и паноптикум будет однажды разбужен,
и узнает весь мир о его пробуждении.
В оригами цепей антикварные души,

привиденья, мы – светимся, но, тем не меньше,
на балы наряжаемся в белое знамя...
Всё отличие нас от живых: привиденья,

знаем мы, помним мы, кто же придёт за нами...
Акробаты тоски, скоморохи на зоне,
исступлённые канатоходцы цунами

на ходулях кладбищ, серфингисты бессонниц –
над ужаленной палубой мозга летают.
Надрывается шторм, тлея в чистом озоне,

в трюмах мозга небрежно и гулко катая
нулевое либидо светящихся статуй.
Мы вселяемся в статуи, чтоб не растаять

по дороге магнитной от ада до ада.
Мы вселяемся в статуи, чтоб не расстаться,
здесь, где смерть – как награда от протуберанца.

ЭПИДЕМИЯ СНОВИДЕНИЙ

У нас опять зима.
Три декабря,
Пять январей, семь февралей на год.
Мы жалуемся на безумие своё,
как будто бы на эпидемию простуды,
Но, быть может, это зря
И зимней спячкой не отделаться
от бегства в Ниоткуда.
Что ж, давайте скинемся на солнце,
Может, отольют от водорода, включат,
Подожгут,
Разгонят тучи.
Глянь: за сновиденья –
листопады чистой антиинформации –
дерёмся
Мы, как электрические звери,
И только сказанному нами в сновидениях
Мы верим.

АЛЬТЕР ДАО

У зрячих, увы, есть опасность ослепнуть.
У зорких же – только опасность прозреть.
На площади воеет глашатай молебны
О том, чтоб без боли нам всем умереть.

Ты – *за* руку. Взгляды твои – импозантны.
Проснусь, а вокруг, под погостом всех звёзд –
Такие безумные злые мутанты,
Что я поражён, сколь терпим сей погост!

Ты – *под* руку. Здесь есть цари и пажи есть...
Проснусь, а вокруг, под улиткой небес –
Такие чужие, такие чужие! –
И солнце, и люди, и я – сам себе!

Тебе всё равно: быть мечтой ли, рабою...
А я ни один не могу (и не мог!),
Ни с кем-нибудь быть, ни – отныне – с тобою... –
И скоро, да, скоро – взорвётся мой мозг!

КУВШИНКИ

Колышутся травы. Слетается иней.
Привычно уже конвульсирует память.
Мы пятимся в каплю воды жадно-синей.
Мы знаем, что кто-то смеётся над нами.

Горит Карфаген. Задыхается Троя.
Ангкор воспалён. Китеж лезет из кожи.
Мы знаем: над нами смеющихся – Трое.
Мы знаем: над ними смеяться – не можем.

Лицо тишины обжигает и душит
Опять кислородная маска геены.
Слетаются птицы. Колышутся души
Амброзией на пустыре Ойкумены.

Кувшинки слетаются, блики и пепел,
Ключ вбит в подколенную скважину тверди,
Чтоб снова – на век – Кто-то выбросил жребий
Всем тем, кто мертвы от рожденья до смерти.

ТРОИЦА

Плоть – наказание нам за то, что тянемся мы к свету.
Мы – наказание Господу за то, что – собственник.
Нам больно оттого, что твари мы – с иной планеты,
Что мы друг другу более, чем чёрту – родственны.

Нам дух – расплата: вышли мы из замкнутого круга.
Чёрт – Богу: дань за то, что мы друг другом колемся.
Нам стыдно оттого, что брезгуем мы все друг другом,
Что мы друг другу более, чем Богу – ...

Здесь, в инкубаторе «Земля», всем нам дано смирение,
Но в зорких снах мы все равны и одинаковы,
И взыщем каждый с каждого, и наши сновиденья
Нас защитят от Бога, чёрта и от всякого.

ЧЕТВЁРТАЯ КОСМИЧЕСКАЯ

Ты отрываешься от притяжения
Воспоминаний, фиордов и тропиков,
От глубины своего отражения...
Это позволит тебе аэробика
Сверхсветовых челноков галактических.

Ты отрываешься от тяготения
Волн, Эвереста, пустынь субтропических,
От чистоты своего сновидения...
В этом поможет тебе акробатика
Вечности сверхзвуковой, её паника...

Ты уплываешь в какую-то Аттику,
Айсберг, расколотый страхом Титаника...

В самой сознания обсерватории,
Ты умираешь во мне, покаяние,
Недослучившаяся история,
Недородившееся предание.

В пьяных утопиях, их акваториях,
Ты забываешь, моё ожидание,
Недопридуманную историю,
Недорассказанное предание.

КОСМОСА НЕТ (подколотные птицы)

Нет, не взлетим над кургузой планетой
И не спасёмся от плазменной гари.
Семь миллиардов Гагариных, – это
Фарс (долетался в легендах Гагарин)...
Пеплом на Землю потом не осядем,
Долго кружа и считая, что – птицы,
Просто с разгону в бетонные глади
Плоских небес мы готовы разбиться.
Я Вам скажу: это – выдумки всеу,
Все эти Марсы, Антаресы, Веги...
Знаете ль, космоса – не существует!
Есть только женщины, пиво и реггей.

ПОЗВОНИТЕ СЕБЕ

Запой как молитва
к усопшим цветам...

Вечера разлетаются веером пёстрым.

А после, когда окончательно стемнеет, достаёшь телефон и набираешь по очереди свои давно утерянные (вместе с телефонами) номера и звонишь себе в прошлое, и редко когда не отвечают. Главное – вовремя (на стыке эпох) в очередной раз потерять мобильник-жужжелицу (а может даже, выбросить в мусорник). Главное – не ошибиться.

Ты звонишь себе и просишь себя передать трубку сначала своей первой, спрашиваешь, как у неё дела, разговариваешь, рассказываешь новые анекдоты, извиняешься за то, во что она превратилась в твоё отсутствие, затем кладёшь трубку, набираешь следующий номер, просишь себя передать трубку своей второй, рассказываешь те же новые анекдоты, извиняешься за былую настойчивость, снова кладёшь трубку, и наконец-то (!) набираешь номер 80976182303 и умоляешь себя, уже слыша где-то за кадром знакомый женский голос, передать трубку своей единственной (хотя мог позвонить бы и её напрямую – 80979388748), заговариваясь, здороваешься с ней и ничего больше не можешь произнести...

Напоследок можно набрать три нуля. 000.

Это телефон Господа Бога нашего Кецалькоатля Га-Ноцри.

Набираешь, слушаешь и пытаешься постичь хотя бы половину смысла в том, что услышал.

Голый номер.

РОМЕО

Жив-здоров, валяюсь в коме.
Если честно, то простужен.
Помню лишь, что кто-то нужен.
Мне дают какой-то номер.

Вся брусника из лукошек,
Все вулканы на Камчатке
Умещаются в тетрадке.
Дом мой сильно перекошен.

Я ухаживать за лесом
Буду в мраморной избушке.
Помню лишь: была подружка.
Ненавижу дым и пьесы.

Концентрация закатов...
На закате будет зябко.
Галактическая давка
Не спасёт того, что надо.

Дегустируйте отравы!
Вы хотели, сударь, чуда?
Что ж, проследуемте, сударь,
В – *избранных*, сюда, направо!..

Страшен медиум бетонный.
Я учусь на зверолова.
Понимаешь с полуслова
Все отравы и притоны.

Концентрация весталок...
Все весталки – в Красной книге.
Ты летишь, как будто блики.
Я расту, как жемчуг алый.

Нас с тобой соединили
Отступленья и побеги.
Я расту кристаллом неги.
Жив-здоров, лежу в могиле.

ВОССТАНЬЕ ПРОТИВ МИРОЗДАНИЯ

Бренность – не в телесном,
А в души движеньи
Через: Мироздания
Все законы, Знание,
Вечность, жизни, бездны...
Бренность – поражение.

Но – отказ от душевной
Жизни в тел костюмах
Для души: восстанье
Против Мироздания,
Пусть оно бездушно:
Не простит, не думай!

Меж чередой рождений
Чуть притормозишь, и:
Ты пред Мирозданьем –
Агнец на закланьи,
Чтоб не знали тени,
Кто тенями движет.

БАДМИНТОН

Назови свой адрес
в бескрайнем безликом Мегалополисе
покрывшем всю Землю
в городе по имени Город по имени Земля
Ты где-то в нём
рисуешь пейзажи
на которых видны расщелины равнин
между крошечными
но цепляющими небо стеклянными городами
с фиолетовым лесом
Сама кружишь пчелой над ромашками
или даже
воланчиком между ракетками

Назови свой адрес

Я представляю весь этот чёртов Мегалополис
с высоты миграций орбитальных станций
я ощущу твою квартиру
среди нескольких миллиардов других таких же
После
по твоему тепловому излучению
по единственной горячей точке на планете
по запаху зелёной масляной краски
спущусь
надев предварительно стереоскопические очки
и обгоняя сверхстереоскопические миражи
и сверхскоростной лай собак
я увижу Тебя
с высоты птичьего полёта

Назови свой новый адрес

ЛИБИДО

Богат подводных бабочек улов.
Сейчас мне снятся зоркие предметы
И ослеплённые глазницы слов.

Ещё не предрешён исход рассвета.
Вселенная – стоячая вода,
И здесь: без сексуального влечения
К душе – мы все погибнем навсегда,
А смерть – отнюдь не развлечение.

Но люди – все – бегут по проводам,
И только лишь, увы, теням неясным
Дано понять, что нет Прекрасных Дам:
Лишь только призраки прекрасны.

СКОРБНЫЙ СЕЗОН

Знаешь ли, всё ещё длится Нагорная Отповедь.
Воспалено моё зыбкое тело, спустя
Год – после духа кремации. Лечим сугробами.
Лечит меня обнажённая ведьма-дитя.

Мы не надеемся, лечим огни по инерции.
Мне говорили, что снег – не лекарство, а дом.
Дух воспалён мой был – век.

Началось всё от сердца, но –
Мне говорили, что боль – не болезнь, а симптом.

Тех, кому страшно – лечить бесполезно: не действует.
Свет герметичен, а грех – он везде, но – табу.
Только вот ежели все сны такие судейские –
Я готов спать и в сугробах, и, в общем, в гробу.

Все, кто ещё по инерции жив – лишь пощёчины.
В карты судеб оплеухи сложились уже.
Знаешь ли, Бог не добился, среди всего прочего –
Вызвать мутацию в нашей совместной душе.

НИКОГДА НЕ ПОЗДНО

Гламурница, девочка, Бог! –
Я завтра свершу преступленье:
Сотру с побережья всю боль.

Все карты и все направленья –
Я завтра забуду, Жена! –

Я завтра все звуки забуду,
Все буквы и все имена,
И сдамся червивому чуду,
Но имя забуду твоё
Чуть позже, в объятиях мумий...
Я завтра паду в окоём
Всех многоэтажных безумий.

Враги наши тоже скорбят
По нам, повсеместно, где нас – нет:
В земле, где *спокойные* – спят,
И в Небе, и эти – опасней.

В замочные скважины снов
Нас роза ветров караулит.
Я жду, чтоб – любую ценой –
И те, что на Небе – уснули.

В плаще из цветов под дождём
Ты с миром кружишь в хороводе.
Но вряд ли ко мне ты придёшь –
Ко мне даже смерть не приходит.

КЛАУСТРОФОБИЯ ЗЕРКАЛА

В этом зеркале фосфоресцировал ветер,
И я долго смотрел в это зеркало ночью,
И зеркальная шаль была взорвана в ключья,
И моргала зеркальная гладь, обесцветясь.

Нелюдимую клаустрофобию сдуло,
И лицо моё – стало твоим на мгновенье,
И я понял, что это – его сновиденье,
Сновидение зеркала, сны из катулок...

...Эти шали не рвутся, а сны – не съедобны.
Море ждёт побратимов своих в своё чрево.
Что же, с той стороны спи, священная дева,
Если это тебе в самом деле удобно.

Заклинанья разрушат симметрию ветра.
Пусть Россия – пастух мой, но ты – моя Мекка.
Надувает воздушные шарики пекарь,
В своё время испёкший небесные недра.

Так призывно зевают врата преисподней!
Отвечают взаимностью небу невесты.
Моя самочка, жаль, что мне нет в тебе места,
И спасибо за то, что приснилась сегодня.

Я на зеркале сплю, не боясь оступиться
В угловатый зернистый туман зазеркалья.
Мой двойник не знаком с абсолютной печалью.
Он не спит, но не дышит. Мне пристально снится,

Что как будто бы я засыпаю тревожно
На зыбучем костре инквизиции. Холод
Дирижирует ловко осиновым колом.
Я на зеркале сплю, и всё это – возможно.

Это вовсе не страшно и даже – не больно.
Я тебя изменил, сделал собственной тенью.
Но всё чаще мне кажется, что, к сожаленью,
Только мёртвые могут любить. И довольно.

СНЫ
ГЛУБИНОЙ
В КРЕМАТОРИИ

СКАЗКА О ЛЕМУРИИ

1.

Сквозь айсберги чей-то слепой эхолот
То ль гонит нас, то ли зовёт нас с собою,
Синхронно с глухой костяною трубою
Нам тысячи лет поёт гимны высот.

Нас всех поселили в светящийся лёд
В минуте от пешего вала прибоя,
Но та, что зовётся Луною, слепую
Не будет, она нас найдёт и спасёт.

Лемурия гаснет, как вспыхнувший леший.
Коптит и искрится, как юная хвоя,
Жемчужная пасека всех побережий.

Оседлое время, как мартовский кот
В начале июня, порывисто воеет,
И мы впряжены в лунный круговорот...

2.

И мы впряжены в лунный круговорот
От первого и до последнего вздоха,
Питаемся музами (с перцем – неплохо)
И полубогинь мы целуем рот в рот.

Пусть будущий мир не оценит урок –
В прожжённом сугробе лежит, как пройдоха,
Как предупрежденье грядущим – эпоха,
Вонзившись в безветрие лишним ребром.

Но души у нас, лемурийцев, летучи,
И мы, переждав на Луне – новолунье,
Вернёмся на Землю, судьбою игрунью –

Когда станут расы иные – могучи,
Когда человечество станет старо,
И – вселимся мы в человеческий род.

Ей

На сумрачном лике Селены,
На вдумчивом лике Луны –
Побоища вскрытые вены,
Струющийся кровоподтёк.
Уйдя от соблазнов земных,
К небесным соблазнам придёшь.

Мы чувствуем, мы ощущаем,
Стыдливо воркуя во мгле –
Что зов высоты не случаен,
Возводятся снова мосты.
И то, что порок – на Земле,
На небе считают – святым.

Таких, как Небо – много,
А ты – одна.
Истечь вишнёвым соком
Обречена.

Диагнозы иллюзий –
Как на подбор.
Из зёрен звёздных бусин –
Бутоны гор.

Архипелаги света
Оглушены.
Расшей молитвой этой
Восторг весны.

И живы небылицы
Во всех, во всём...
Мы так стремимся сбыться,
Что мир спасём.

* * *

Возьми сигареты, и зонтик, и шляпу,
Оставь на стене отраженье мольбы!
Вчера ещё смерть – как смычки – свои лапы
Роняла в железный колодец Судьбы,

Звонок телефонный звучал в атмосфере
И трубку поднял кто-то Там, в небесах,
И долго галдели там сонмы материй –
Так громко! – о наших ревнивых глазах.

Но пятилось небо при виде салюта...
Куда оно спрячется – небо, куда?
Ведь истина всё ещё верует – в Чудо,
А истиной мы упивались – всегда.

И ты можешь алой быть, бежевой – можешь.
Стрекозы на губы садятся и спят.
Пускай твоё зарево Бога тревожит,
Заснуть не даёт ему твой снегопад,

И пусть Он считает, что ты – гиблый омут,
И – бездн витражи, и двуглавая боль,
Пусть ждёт в подземельи – бездонной истомы,
И карты тасует, и пишет в альбом... –

А мы нагнетаем в безумье – помехи,
И воздух в меха набираем – пора!
Мы – вместо богов родились в этом эхе,
Молчание – лучший для нас дифирамб,

И пусть Луна дальше, и пусть Луна ближе –
Нас возит в тех поймах спектральный паром,
И лунный Харон, и химеры с ним иже
Сдувают с нас пыль, и мы знаем – Пароль.

НАКАЗАНИЕ

Даже заря показала язык нам. Исчадьё
Страсти в руках
Еретика...
Сколько трагедий твоё суеверие стоит?
Не всё равно ль?
Мир – это ноль.
Гибнет дремучий костёр зажигалки в объятьях
Пламени рук.
Замкнутый круг.
Скоро и мы обратимся живою водою
Для облаков,
Наших врагов.

Наше отчаянье слишком похоже на счастье.
Это предел.
Чайник вскипел...
Слухи о нас растекутся по воздуху. Слышишь? –
Где-то рассвет.
Здесь его нет.
Поровну в воздухе – старости, страха и страсти.
Пламя спеклось.
Всё – на авось.
Осень вслепую щекотные раны залижет.
Наверняка
И на века...

И от небес, и от главных ворот преисподней
Связки ключей –
У палачей.
Что ты отдашь им в обмен на свою невесомость?
Зоркость весны.
Тяжесть Луны.

Чем ты пожертвуешь, чтобы мираж твой сегодня
Не подмели,
Завтра пришли?..
У стратосферы – аффект, у Луны – глаукома.
Всё позади.
Мы взаперти.

КУКЛЫ НОГУ-ВУДУ

Я падаю в бездну, которую создал
Один незапамятный день,
И в бездне снотворной – бесчисленны звёзды,
От них – исковеркана тень.

Вокруг меня твой бронированный воздух,
Воздушная эта стена,
Я падаю смиренно – и мимо погостов
Лечу вплоть до самого дна.

Прости меня, птица, не то направленье,
Не тот, что был прежде, размах, –
Но я потерял свои крылья в мгновенье,
Когда ты исчезла сама:

Сожгла моё тело, спалила мой разум,
Но я благодарен тебе,
Что ты подтолкнула меня к иной фазе,
Таящейся в поллой судьбе

Последней и призрачной точкой отсчёта,
Последним огнём мировым...
Я жду твоего окончания полёта,
Хотя скоро стану седым,

И помню, как прежде, твои только взгляды
В оправе больной темноты,
И каждая ночь потому мне наградой,
Что снишься, как прежде, лишь ты.

Как прежде, умею тебе лишь молиться,
И в жизни моей ты – одна,
Моя лунноглазая райская птица,
Исчезнувшая, как луна.

ТРЕТЬЕГО ДНЯ

Будто позавчера в утопических парках
Атмосферу верстали нам колокола,
Без пятнадцати пять ты была мне – подарком,
И без четверти девять – подарком была.

Будто позавчера – мы встречались случайно,
Целый век не осмелясь узнать, что нас ждёт,
И была бесподобною каждая тайна,
И всё явное было – волшебным дождём.

Будто позавчера был закат подвенечным,
Цепенели холсты нам с тобою под стать...
Пала в обморок – ты, в кому – я, чтобы вечно
Сокровенные дни – без души – коротать.

Ненаглядные штормы глядели с упрёком,
И песочным часам было знать не дано,
Что – не встретимся – с умыслом ли, ненароком,
Ни в печали, ни в радости – мы всё равно.

Ты в чудесных Алисиных каменоломнях
Подарила лампаду мне – вечный огонь –
Только позавчера. А вчера – я не помню.
И сегодня забуду, наверно, легко.

Это просто ещё – быть Пьеро,
И скользить в полнолунную вязкую темень...
Мы могли бы остаться в смеющихся,
солнцезащитные шпаги втыкая в глаза.
Ты могла бы помочь мне ослепнуть хотя бы на время,
Если это случилось бы тысячу жизней назад.

* * *

Выспавшийся Морфей
В душных объятьях дня
Сразу забудет фей,
Сразу умрёт в – меня.

Только лишь в соплах тьмы
Думаем о земном.
Вечность вторую мы
Вместе с тобой – зачнём.

Беглого Солнца тень
Потчует вечным льдом.
Знаю, что будет день.
Знаю, что ночь – потом.

ЗВЁЗДНЫЕ ЧАСЫ (3,14)

Ты – дочь числа π , марта спутница,
Сансары лицо подставное,
От жизни со мной лжеотступница
С мембраной души водяною,

Из всех дочерей – русых, мартовских
Летающих рыб, вместе с дичью
Слетевшихся на гонорар тоски,
Ты – самая, самая птичья!

Где прячется Вись твоя, рысь – твоя?
Века отстают за тобою,
И ты, не дыша, не бытийствуя,
В веках остаёшься – Судьбою...

В созвездие Рыб – моя лестница,
Но кто ты, раз небо – хмелеет?
Кометы Галлея предвестница?
Сама ли – комета Галлея?

Триумф ты мой или проклятие?
Как быть, если снова вертиго
Толкнёт нас в чужие объятия?
Прости меня, *тайная книга!* –

Запутавшись с сердцебиеньями,
Твои я прочёл – слишком поздно,
Сдружившись со всеми затмениями,
Стал тенью стотелю звёздной,

И звёздные эти часы мои –
Раскосей, чем солнечный пращур,
Страшней в моей памяти вымоин,
Фасеточным глазом глядящих.

Ты – дочь числа π , и ты знаешь – всё
О круговороте сверхновых...
Ответь же мне: где повстречаешься?
Когда мы увидимся снова?

Пока же я буду, как памятник,
Стоять здесь, у Грековки*, молча,
Где *были* – друг другом неправедны,
Где *стали* – опасней всех волчьих,

Тебя ожидая рассеяно
С занятий, с зачётов, где – рядом,
Где было – *такое* затеяно,
Где стало *такое* – распято.

Пока я не вспомню всё светлое,
Что в памяти выудить нечем,
Я буду стоять здесь, под петлями,
До следующей нашей встречи.

Пока ты не выйдешь из здания,
Пока на горе рак не свистнет,
Я буду стоять здесь – заранее,
До следующей моей жизни.

* *Одесское художественное училище им. М.Б. Грекова*

ЕСЛИ ТЫ БОИШЬСЯ

Если ты боишься прошлого, поверь –
Огненные слёзы стриженного эха
Станут сами каменной помехой
Прошлому. Оно – зверь. Загнан этот зверь.

Эхо – тоже зверь, но – в солнечном тряпье.
Лунные, стерильные духовно люди
Соки Мироздания тянут из посуды,
Мышьёком пропитанных Творцом-крупье.

Здесь – непозволительная роскошь комы,
Сладость Небытья, и махаоны под стеклом,
Гнутя, как пшеница, голоса прозрачных слов,
Пляшет в голове души – цветастая саркома,

Кисло улыбается в тюрьге Люцифер –
Марципановое пугало эпохи, птичье
Чучело – ему в охрану, на лицо – обличье
Мимики скуластых иероглифичных вер.

Симметрических коктейлей наважденья,
Девочка моя, отринь. Снов нет давно.
Этот мир – один безбрежный остров, но
Просто иногда бывают наводнения.

В днище неба отражается трава.
Ночь, и ты питайся звёздами, их светом,
В омутах купайся... Мат в три хода – это
Даже не возможное уже, а факт.

Так, энергией я стану воспалённой.
Счастье – редкий артефакт для палача.
Это ты поймёшь чуть позже, а сейчас
Прошлого тебя боится. Время *оно*.

Стрелы – атомная почта, цель – зенит.
Лишь четырнадцать процентов кислорода
В атмосфере. Люди водят хороводы...
Только ты не стань такою, как они.

Бог нас не заметил, но тебе – поможет.
Поезд в лето будет около восьми.
Если ты боишься прошлого, пойми –
Прошное само тебя боится. Тоже.

REMEMORY

Температура ниже абсолютного нуля.
Концептуальная погода.
В шлюзе февраля
Согреться до нуля по Кельвину – единственная цель.
И словно в тёплые края на вертолётах –
На полюс Южный или Северный: отсель.
Меланхолические тернии туманностей
в кисельном небе.
Снега жеманны. Ливни грациозны.
Моя богиня! Здесь и впрямь, морозно!
Грохочут телескопы пирамид. Толтеки смущены,
Увидев вместо джунглей – степи.
Но второпях
Антенны на квадратных куполах
У сумеречных храмов
Транслируют послание Луны.
Мы помним только лишь друг друга...
Затмение срывает память с нас, как будто эдельвейсы
С напыщенности луга,
И сушит лепестки её в толтекских книгах,
в хворосте индейцев,
И больше мы не Помним...

БЕЛЫЙ ШУМ

ФЕНОМЕН РАУДИВА

Достучаться в утопию. В явь, во – Пространство
Из – загробного мира, из – навьих отрогов...
Это странное, вечное, злое сектантство
Среди призраков – не соглашаться с Итогом.

Эта дикая призрачья коллегияльность –
Сквозь воронки ночей возвращаться с приветом,
Сквозь звонки телефонные рваться в реальность,
Сквозь экраны в помехах смотреть с того света

На любимых своих, отчего-то – живущих,
Неизвестно куда – запровадивших – бывших,
Неизвестно кого в свои крепости – ждущих,
Неизвестно зачем – о погибших – забывших,

Пригвоздить себя к городу, к дому, к экрану,
Пристегнуть себя к прошлым родным и любимым
И являться воочию к ним – постоянно,
То смятеньем, то дымкою, то – херувимом...

И я буду звонить тебе вечером, в восемь,
Молчать в трубку, по радио петь одалиской,
И одёргивать страх твой, шатать твои оси,
И – стоять над кроватью твоей – обелиском.

И я буду в помехах экранов – угрюмым
Столь знакомым лицом, без души и без тела,
И – окутаю спальню твою белым шумом,
Белым сумраком, коконом ноющим белым...

Эта странная каста среди привидений,
Возвращающихся, беспокойных, влюблённых –
Остаться в себе, удлиниться, как тени,
И не знать, что *они* бьют таможням поклоны...

Это странное действо среди расщеплённых –
Остаться на связи с порталом могилы,
Приходить к своим суженым – не опылённым! –
То помехой, то ужасом, то – Михаилом...

ПОПЫТКА СВЯЗИ

В утопической комнате, через века,
Где не меряно – смутной тревоги озона,
Где остыл жёлтый плед и озяб кардиган,
Будут две телефонные трубки – бессонны...

Они будут висеть на своих проводах,
Кем-то сняты и брошены, и позабыты,
И бессмысленно будет само «никогда»,
Когда призраки станут шептаться открыто

В эти трубки, и будут слышны – голоса
Их – знакомых – из разных вселенных и капсул,
Их, погибших давно, как и все чудеса,
Их, ушедших в подполье от армий коллапсов.

И – возможно – что случай сыграет ва-банк,
И – сойдутся мгновенья в испарине грусти,
Два тоскующих призрака, раб и раба,
Обнаружат, что есть между трубками – устье,

И дождавшись звонка, через век или два,
И услышав друг друга, узнав по дыханью,
Наконец-то отыщут такие слова,
Что на время – изменится суть Мироздания...

Плоскость моря – экран телевизора лишь.
Сингулярность де-юре – стоять над обрывом.
В астеническом небе петляет камыш,
Словно древнего Ящера Времени – грива.

Подвенечные радиоволны в одно
Нас сольют, словно воду из всех водопоев,
И тогда я поверю, что счастье – дано,
Что тобой станет в тысячный раз – всё живое,

И, при жизни поправ, будто вечность – собой,
Равновесие астмы и воздуха – вьюгой,
Эти призраки бледные, словно прибой,
Наконец-то – быть может – полюбят друг друга.

НИРВАНА

В этом доме живут только окна,
А за окнами – словно растенья –
Неподвижные призраки сохнут,
Превращаясь тайком в привиденья.

И когда ты придёшь в этот злачный
Особняк, босиком, без билета,
Ты узнаешь в одном из прозрачных
Наваждений себя – по браслету

На руке, невесомой, бескровной,
И меня – по глазам окаянным,
И тебе померещится, словно
Не они, а мы сами – туманны.

БЕЛЫЙ ШУМЕР

Радость моя, наш сентябрь – ушёл.
Он не дождался нас и – обезумел.
Весь его свет и одежд белый шёлк,
Белый шумер – растворён в белом шуме.

Солнце моё, нами он – дорожил,
Знал, что не будет другого расклада,
Груз его – нашу счастливую жизнь –
Вместе с собою унёс в листопады.

Радость моя, наш сентябрь сожжён
Рыжей листвой inferнального сада.
Выбежав в осень, скрываясь от жён,
Он поражён был такую засадой.

Солнце моё, он – отжил и остыл,
И – обратился в космический холод.
Мы – его бранный, единственный тыл –
Только лишь айсберги, не – ледоколы.

Радость моя, наш сентябрь погиб
Через три месяца после разлуки.
Я не подам ему больше руки,
Ибо бесплотны у призраков руки.

ЦЕХ

Это цех, где ваяли меня. И умру
Я – в мерцании светил, среди звёзд без имён,
И тогда – неизвестный мне друг, из амёб,
Мой единственный друг, мне признается вдруг:

«Ты давно уже дух, мой единственный друг,
Вечный поиск её – твой загробный кошмар,
Твоё царствие карцера – карма-тюрьма,
Твой извечный маршрут, твой священный недуг,

А её дух уже растворился в ночи,
Её кожа уже, точно Время, стара,
Её пепел уже разогнали ветра,
И её красота догорела в печи...»

Упокой меня, Господи, в эту же ночь,
В ночь, когда континенты сорвутся с цепи,
Чтобы ты не искал, что давно крепко спит,
Что, наверное, и не могла мне помочь –

Чтобы я не искал ту, что в сердце моём –
На земле и на небе, во снах и в бреду –
Ту, которой давно упокоился дух,
Той, что стал заповедником мой окоём,

И пускай нас потопит в легендах Харон,
Пусть погонит меня в это стойло Пастух,
Упокой мой кошмар, я не больше чем – дух,
Упокой и меня, и над духом – ворон,

Как безмолвны самумы в молитвенной мгле,
Как вороны мою изничтожили плоть...
Но ответил Господь, мне – ответил – Господь:
«Слишком долго искал ты её на Земле,

Слишком долго молился увидеть в сне...
Ты не сможешь иначе, не сможешь – не быть,
Не искать и не звать, не тревожить гробы,
Не молиться её красоте и весне... –

Ваше время прошло, убивай и кради...»
В эту ночь закрываются книги судеб,
Добела накаляются души людей,
И – наверное – всё. Упокой, отпусти... –

Вознесутся Земля, человечество, мир,
Но в аду я – прописан, в девятом, точь-в-точь,
И опять, в сотый раз пережив эту ночь,
Время в точку сожмётся и плоскости – в миг...

Духу – духово, разве не так, разве нет?
Я ищу её след, во все окна – смотрю,
В каждый грот, в каждый лаз и подопытный трюм,
И себя – каждый день нахожу я на дне,

Сотни раз – без успенья – сошедший с ума,
И, мне кажется, вижу – Её – вдалеке,
И кошмар мироточит – аортой в руке,
И мой дух возвращается в этот кошмар.

ПОЛУТЕНИ

Я хочу возвратиться туда, где погиб,
В городок, что нам мал, где петляют ветра,
На ту площадь его, где бессмысленна Ра,
По которой расходится, словно круги

По воде, нашей встречи сигнал – до сих пор,
И срывает знамёна с флаштоков судьбы...
Я хочу возвратиться туда, где я был,
Но, увы, между жизнью и смертью – забор.

Я хочу возвратиться туда, где убит,
На тот пляж, где священна – любая волна,
На тот берег, который при мысли о нас,
Как серийного киллера, мелко знобит,

В самый радостный угол моей конуры,
Конуры привиденья – холмов и лугов...
Я хочу возвратиться туда, где легко,
Но, увы, между жизнью и смертью – нарыв.

Где был взгляд мимолётен, но путь предрешён,
Где за миг всех богов изменяется суть,
И моря не приемлют ночную росу,
И от атомных взглядов возможен ожог... –

Я над городом *этим* летаю, и – в ад,
И висеть над погостом своим – ни к чему.
Ежедневно и круглогодично – в Крыму,
Но, увы, между смертью и жизнью – провал.

Может, встретимся снова, на площади?.. Но –
Стой вдали, не давай мне надежду, строга.
И – ни шагу – вперёд. Попрощайся со мной
С *твоего* расстояния, издалика...

Ты – живая, тебе не пристало – робеть
Ближе, чем за сто метров ко мне – мертвецу:
Мертвецы – губы суженых – тянут к лицу,
Жизнь возлюбленных – жадно – лелеют в себе.

Это – будто раскопана в мире вся твердь,
Это – будто грязна во всём мире – вода...
Я хочу возвратиться в тот день – навсегда,
Но, увы, между смертью и жизнью – лишь смерть.

СВОБОДНОЕ ПАДЕНИЕ

И с каждым днём мы – всё *родней*,
Но с каждой ночью – всё *интимней*.
Изнежен сонный оклик ливня.
Отзывчив ржавый путь теней.

Но то, что слышишь ты в их гимнах,
Я слышу только в тишине,
И всё, что очевидно мне –
Тебе неведомо и дивно.

Ты приложила ухо к морю,
Ты слышишь рёв священной страсти
И снов, фальшивых априори.

А я прислушиваюсь к зорям,
В упор – к беременному счастью,
Носящему зародыш горя.

ГАВАНЬ

Потому что никто не возьмёт на поруки
Эту тихую гавань и сизое море,
Потому что помечено место разлуки,
Потому что иссохли суставы историй,

И никто ни в кого здесь не сможет влюбиться –
Заколдовано нами под оттепель место.
Эта гавань останется лишь за границей
Для таких же, как мы – из свинцового теста,

Из сердечного шума, предсмертной икоты...
Ты придёшь сюда – завтра и луны увянут,
Я приду сюда – осенью, сносятся – годы...
Мы опять разойдёмся, как рваные раны-

Континенты, как в кубике Рубика – бездны.
Но никто никогда не предъявит к ней исков.
Здесь увидев друг друга, однажды, так тесно,
Наши души мгновенно сменили прописку.

Эта гавань приклеилась к ветру, прилипла,
Словно пальцы циклопов застряли в пассатах...
Этот ветер не сдвинется с места и, хриплый,
Не смахнёт эти склоны с собою в закаты.

Заворожена гавань волнами и нами,
Стала – нашей и больше ничьей – априори...
Потому что ей – *нашего* – хватит – цунами,
Потому что ей – вдоволь и – *нашего* – горя...

МИР БЕЗ КРАСОТЫ

И как без висельников виселица одинока,
И как рассеяна без амазонок Ориноко,
Так Апокалипсис – лишь миг, когда одновременно
Все юные, красивые погибнут во Вселенной,
Не больше, чем вселенский акт убийства красоты,
И мерзок он хотя бы потому, что сгинешь ты.

Но я – не Нео, я – фантом последнего мгновенья
Существованья красоты твоей, я – приведенье
Тебя к нулю, освобожденье, как от моветона,
Тебя – от нас, и Юрьев день твой – миг Армагеддона,
И ежели б моим исходом был твой Юрьев день!..
Но призрак я, и мир – моя последняя ступень.

Когда угаснет мир, когда звезда, как прах, задышит –
Я буду здесь, в миру, я не смогу подняться выше,
Со всеми, в – Ноль, в – Небытие. Как – энная предтеча,
Я буду – виселицей, Ориноко, нашей встречей...
Армагеддон – орудие убийства красоты
(Но – не страдания, не – преданности, не – мечты),

И только в этом – суть его, лишь в этом – катастрофа,
И только потому – он всей Вселенной уготован.
И Юрьев день, как пограничный столб, стоит на страже
Меж мёртвыми и мёртвыми, и тем обескуражен,
Твой телефон не даст нам говорить между собой,
Двум призракам, из разных Навей, с разною судьбой...

WHITE DOT

Земля стучится в Землю.
Стучится Небо в Небо.
И пахнет лихорадкой
Мой обморочный мир.

Глаза глазам не внемлют.
Сознание – как ребус,
На все горячки падкий,
Коллаж из адских СМИ.

Стена уходит в стену.
Вода несётся в воду.
И не было печали,
Но нас зачали – здесь,

Под девиантным тленом,
Над сингулярным бродом,
Где спит конец в начале,
И нежить на хвосте.

Тебя за мойру держат.
И мир в хмельном восторге –
Как шведская могила,
И мир – как белый шум,

И голоса умерших
В калейдоскопе оргий,
Цейтнотами насилуй,
И дом мой – парашют.

Реальности, дрожите.
Нейтрино вас погубят.
Меня не разрешили.
В июле будет снег.

И, сельский небожитель,
Мой мозг – как кубик-рубик,
И – будь готов к могиле,
И будь готов – к Луне.

X, Y, Z, T (нулевые координаты)

Что знаешь ты, зеленоглазая моя,
о том, как любят привиденья после смерти,
каков озноб от мнимой боли у предсердий,
как страшно быть амфибией, когда маяк
ревёт в тумане по тебе и прочим бранным,
быть в мире мёртвых и живых – одновременно?..

Где капитаны немые, будто циферблат,
бесплодна Мельпомена, будто саквояж пуст,
где призраки ведут любовь свою, как тяжбу,
и отлетает в небыль тот, кто стал крылат,
и суженую, даже если и не жил с ней,
он любит в сотни раз сильнее, чем при жизни...

И понимает призрак в этот миг,
что в каждой прошлой жизни суженой, любимой –
не важно, вставшей рядом ли, прошедшей мимо –
была одна и та же девушка (ремикс
лишь!), в каждой жизни только ею был осмеян,
и после каждой смерти – думал лишь о ней он...

Что скажешь ты, когда все чувства жизнью всех
в одну любовь я соберу, как птицелов, и
беззвучно буду ждать – тебя – у изголовья,
на Рубиконе том, на должной полосе,
где чувства все за ночь одну тебе приснятся,
где все они в одну любовь объединятся?..

ПЕРЕКАТИ-ПОЛЕ

Пусть вначале был Жест,
А потом уже – Слово.
На *твоём этаже* –
Ни того, ни другого.

Мир деяний, не – слов,
Мир пространства, не – звука,
Словно шар-змеелов,
Словно жестов порука,

Нам с тобой незнаком.
Мы идём, как бродяги,
От всего, что – потом,
Разбегаемся в страхе.

Сколько лет босиком
Мы обследуем темень,
Не умея в наш дом
Превратить это время!

Сколько жизней подряд
Мы бредём, будто дремлем,
Не умея в наш сад
Превратить эту землю!

Нас сорвала Луна,
Как траву – буреломы.
Эта вдовья страна
Вся исходит истомой –

Слишком ветрена мгла,
Пахнет ликантропией,
Моя дрожь приплыла
За тобою мессией.

Моя смерть принеслась
За тобою – стоп-кадром,
Как непрошенный князь
За своим императором,

И теперь я могу
Целовать твои губы,
Сам себя душегуб –
Храмом звать звёздный купол.

И мы снова идём,
Окаянные двое,
Под жемчужным дождём,
В даль, в – *своё*, в – *неживое*.

ГОРИ, ЗОНТ!

НАЧНЁМ С ТОГО

Начнём с того, что Осень – будет,
Случатся – лунные удары,
И принца Золушка забудет,
И смоеет призраков отары

В саванну пегое цунами,
Мы завальсируем, как цапли,
Нас забросает пыль – камнями,
Но их подточат с неба капли,

И чресла осени остынут,
И будет душным с ней соседство,
И неродившемуся сыну
Оставит Золушка наследство

Из сизых призраков эпохи,
Ютящихся по рубиконам,
Неоперившиеся вздохи
И выдохи сродни драконам...

Начнём с того, что Осень – будет,
Смерть оросит наш можжевательник,
И мы останемся – без судеб,
Как будто выйдя из котельной.

Он видит, как тянется выдох – резиной,
Он слышит, как шорох рождает цунами,
Но знай Он, что мир обопьётся бензином,
Он загодя б так не кидался – Словами.

Он нас окольцует своей гематомой,
Потопом нас выморит, бросит в нас Камень,
И нашим умом – перепишет геномы,
И нашими – атом раскрошит – руками.

Творец, все созданья свои погубивший,
Себя – опознавший – уже не опасен...
Пока не забудет свой опыт, свои вши,
И снова не вылепит Землю – из грязи.

3.

А мы, понимая, что тьма беспощадна,
Что раз нет Вселенной, то нет и «причастья»,
Что следует эксперимент прекращать – нам,
По-прежнему веруем в кроткое счастье.

И зная, что гневаться – в воле господней,
Что слабость садистов – рождение пешек,
Что дети не требуют дом в преисподней,
По-прежнему верим, что рай неизбежен,

Что эльфов и фей легион осветили
Прожекторы радуг, грозой опылённых...
И стонет по нам из реторты – Вергилий,
И плачет Булгаков по нам – заземлённо.

ЧЁРНАЯ ПЛЕСЕНЬ

Смотри, Леонардо, смотри сквозь рисунок! –
Где Люди стояли, там клонов стечение,
И в них ты, увы, не увидишь – *No uno!* –
Ни бронзового, ни золотого сеченья!

Ты знаешь, что Бог любит троицу (с солью),
Но – троица Бога не любит (как можно?),
Но мы побывали у них на застолье
И знаем: у них Соль Земли – за пирожное...

И потому-то – Бог троицу любит,
Но кладбища Светлых, сбиваясь в оравы,
Скрежещут у троицы божьей на зубе,
И знаем: у них Соль Земли – за приправу.

Здесь витрувианских лемуров обитель,
На йети пародия ль, на человека ль...
Давайте, глазейте, давайте, глядите
В тупые глаза двадцать первого века!

Не лежбище Шакти, не Дарвина кремль,
Не душ цитадель, не суккубов подворье –
Пустые глазницы, которые – немые! –
Как чёрные дыры – прожжённые взморья!

Смотри, Маяковский, смотри и завидуй –
Что я манекен для святош и калека
Пустых гипнотических глаз, индивидуум,
Утопший в глазах двадцать первого века!

Я ЗНАЮ – МЫ ЛЕЖИМ

Я знаю день, когда Земля сойдёт с пути
И нас заткнёт за пояс чёрту,
Я знаю час, когда Пространство *отлетит*
И приведёт Судьбу к аборту!

Я знаю миг, когда сойдёт с орбиты – нуль,
И воздух станет – сгусток грязи,
Как домик карточный, падут в его плену
Причинно-следственные связи!

Я знаю лик миров, упавших за корму.
Там мой девиз (Китай – для русских!)
Смешон, как китч, и непонятен никому,
Где мы – закуска для закуски.

Цветки пожарных лестниц меркнут в том дыму,
Считай сезоны сна в рассрочку –
Там сонмы мёртвых лет под локти нас возьмут,
И Третий Рим сожмётся в точку!

И что с того, что в энной зре жили мы,
Сражались с Истиной достойно? –
Янтарной комнате недолго до тюрьмы,
Где мы лежим, утопши в войнах.

КСИ, ПСИ, ФИТА, ИЖИЦА...

Мы увидим, бросая параличный взгляд,
Обитаемый мир – под плитою надгробной.
Но какие костяшки у Бога болят,
Если жизнь во Вселенной – нежизнеспособна?

Беспокойная оледенелость, Земля,
Дом родной для случайностей, круговоротов! –
Ты считаешь до ста, но тебя – обнулят.
Нам с тобой не покажут дорогу – в обход и

Светофоры небесные испепелят
(Во спасенье дорога – бикфордова лента)...
Обречённая опламенелость, Земля,
Голограммы Вселенной кочующий центр! –

Атмосферы забрало лежит на полях,
Как сражённая тьмой допотопная падаль.
Герметичность Ковчега – не больше, чем кляп,
В корабле даже трещины дышат на ладан.

Жизнь, как крыса, бежит с твоего корабля –
В никуда, в небытие, всем пустотам за ворот.
Невесомая окаменелость, Земля,
Никому дела нет до того, что бог – Ворон,

И слетаются стаи его *ангелят*,
Чтоб вкушать наши осоловевшие толпы,
Что Вселенная – это божественный ляп,
Что она – холодна и пуста, будто колба,

Никому дела нет, что потом, за чертой,
После ада – в пустынной и мёртвой Вселенной –
Никого, кто нашёл бы в ней наше гнездо,
Ничего, что могло быть столь быстрым и тленным,

И на дне её нет ничего – ни от нас,
Ни от тех, кто ещё, после нас, мог родиться,
Ни чего-то того, из чего бы – со дна
Удалось новой жизни возникнуть – в темнице.

ОБРАЩЕНИЕ К МИРОВОЙ ДУШЕ

Слоны, черепахи – не ищут опоры,
И рыбы не ищут живых – над собой,
И всё Мироздание прячется в нору,
Но – всё Мироздание спорит с тобой.

Крадут конец света божки по кусочкам,
Слоны, черепахи и рыбы – вразбег.
Душа Мировая, изнанкою – точка,
Что нужно ещё от Вселенной – тебе?

Найдя себя в каждом мерцающем пазле
Последнего Дня, мироточка – толпой,
Пусть всё Мироздание пятится в ясли
И – всё Мирозданье воюет с тобой.

Истёрли в салат шестерёнки галактик
Слонов, черепах и – тем более – рыб,
И в каждой галактике, как катаракте
Небесной – твои умирают миры.

А в яслях бездонных находит удача –
Атлантов обглоданный хворост костей.
Твой трюк – убежать в Никуда – был прозрачен
Для всех, кто осел до тебя в пустоте.

Что тешиться счастьем «сбежавших» из Дома
И – Будущим Светлым в свинцовом гробу?
Душа Мировая, изнанкою – кома,
Что нужно тебе от постигших судьбу?

ОБРАЩЕНИЕ К СУДЬБЕ

Что мне сделать, чтоб ты полюбила
Этот мир, населённый людьми?..
Целый век по карнизу могилы
Променад совершал этот мир,

Наше логово, наша берлога...
Мы глотали, как эль, свою жизнь...
Но, Судьба (эволюция Бога),
Хиромантия эха, скажи:

Что мне сделать, чтоб ты полюбила
Золотую планету мою?
Мир – ещё на карнизе могилы...
Мы – ещё на краю, на краю...

КОНЕЦ ТУННЕЛЯ

Это сказ о том, как черви в чёртиках заводятся:
Родятся-юродятся и родятся-юродятся,
Кто-то пред Левиафаном пеною исходится,
Кто-то Вавилонскою блудницею обходится.
Это место всё – облагорожено мутантами,
Вновь быть рыбе, черепахе и слону – Атлантами,
И уже неясно, кто в ком будет иммигрантами,
Кто в ком будит зверя и кого Левиафан томит.

Зверь во мне разбужен, только оказалось,
зверь – мутант,
У него в крови – искать тебя, найти – в геноме, но
Хоть урод он, гены носят свой таинственный талант –
Сжечь в тебе мутанта,
зверя, что желает жить с моим –
В доменной печи – как до-ре-ми, как домино...
Дочери его по очереди топчут Аркаим,
Кажется сегодня совершенным и прекрасным
Им – фальстарт ацтеков, фол России,
блиц-Аустерлиц...
Есть лицо у человека, у мутантов этих лиц
Счёта нет, и каждое с другими несогласно.

Это миф о Рае: Рай был – первой матрицей,
Только и всего, и у него теперь – нет адреса.
Мы – в последней матрице, и сервер – психиатрится
Оттого, что между первой и последней – за тридцать.
Это трёп о том, как крошишься, Цивилизация –
Стерва одиозная, Мальвины девиация,
Утварь мрака, дискотек загробных трепанация
И Туннеля Вечности сквозная деградация,
и деградация...
и деградация...

ПОЖАЛУЙСТА

Бесу целовал уста
Каждый, кто грешит.
Выдай мне, пожалуйста,
Дубликат души.

Мне и всем, кто падает,
Всем, кто строит ад,
Люцифера радуя,
Нужен дубликат.

Чтоб во время оное,
Распиная грех,
Плачи похоронные
Обратились в смех.

НЕМОТНАЯ ГРАМОТА

Генофонд, геноцид, геномор, геноцирк...
Золотые тельцы нас берут под уздцы.
Кто был ночью убит, тот сто лет уже спит.
За Садовым кольцом обретается спирт,
Под Садовым кольцом пьют коллекторы СПИД,
И за крепкое здравие пьёт инвалид,
И скорбят по нам – Киев, Одесса и Минск...
Поминать уже некого – чёрный помин.

Мы – обрубки без ног, мы – культяпки без рук,
(Девятнадцатый год в наших генах – хоругвь),
Ходим в чёрном – сто лет и не знаем, что так –
Поминаем царя, что мы всё ещё – там,
И морально мы – трупы – уже – навсегда
(С девяностых душа наша стынет во льдах),
И нам снится, что вместо царя мы лежим
На постели его, что – постельный режим.

Это княжество катится в тартарары –
В состоянье искусственной чёрной икры,
И никто никогда не поможет ему,
И на нём – нефтяной чёрной метки хомут,
И славяне ему, будто валенки, жмут,
Все замкадыши молча шагают в тюрьму,
Под замкад, под замок, под кладбищ телеса...
Улетайте, славяне, в *свои* небеса!

Да, у нас – своя война,
и живём мы – как солдаты.
Да, поэзия – страна,
разделённая когда-то

На окопы языков
и на карцеры наречий.
Немота для нас – альков,
где нас Вечность покалечит.

Да, на всех – один паёк,
и к земле нас гнут колени
в самом долгом из боёв,
в самом вечном из сражений.

Бой наш завершится лишь
там, где онемееет слово,
там, где Ты нас удалишь,
мир сей сделав безголовым.

F63.9

ПО КРОВАВОМУ СЛЕДУ

Надо пойти направо,
Надо пойти налево –
Где-нибудь да погибнешь,
Где-нибудь да воскреснешь.

Нынче такие нравы,
Нынче такие девы,
Где-нибудь просто всхлипнешь,
Где-то хлебнёшь болезней.

В колких рассветных травах,
Или под кроной древа
Будет судёб распутье –
Камень, конца предвестник.

То ль против кровотока,
То ли идти на запах –
Нынче такие судьи,
Нынче такие яды.

Всё испытать, потрогать
Надо нам – от столпых
Бомбоубежищ Сада
Вплоть до святилиц ада...

Надо шагнуть к востоку,
Надо шагнуть на запад –
Пробовать всё нам надо,
Где-нибудь есть награда...

ПАРАДОКС ВСЕМОГУЩЕСТВА

Испуганный Мир продолжает полёт...
На этом кощунственном острове слёз
Средь этих поруганных снежных озёр
Отринь кругозор, это – гипнотизёр,
Забудь горизонта строптивый Колосс!
В того ли мы верим и он ли спасёт?

И сильные мира Того – экий цирк! –
И этих миров – золотые тельцы,
Всевластье своё от себя сторожат,
Над мощью своей, как Кощеи, дрожат,
А Бог утверждает: все боги – лжецы,
И мир создаёт по чужим чертежам,

Где Нет Его вовсе, и не было – зло
Само зародилось, как – свет, и тепло,
И жизнь – от шальной огнестрельной искры,
И мы с Него спросим, зачем Он – сокрыт,
А чёрт продолжает смеяться козлом,
Клонируя Бога, штампуя миры...

Творец совершенный, всесильный, как суть,
Не в силах в миры совершенство – вдохнуть,
Дефектной Вселенной доволен пока!..
Стряхни с себя синестезию зрачка,
Обман окоёма исподний избудь!
Лети, недотыкомка, сквозь облака!

СВЯЗЬ

Ты так далеко! *Там* – рождаются боги,
Здесь – падают звёзды, в кювет, догорая.
Люби меня, милая, *так*, как немногих.
Пиши мне, родная, как будто из рая.

Река не обманет, сродни акведуку,
Но берег морской увильнёт, не допустит
Держать твои письма в руке, будто руку,
И эхо моё возвратить в твоё устье...

Зеркальные струны воды указуют
На тихие омуты – словно лекарства.
Ты в письмах моё воскрешенье рисуешь,
Но почта погибла давно в *этих* царствах.

Путь вечен. Круг замкнут. Но нам не покинуть,
Увы, даже ложных границ Полукруга.
Ты пишешь мне письма, как будто картины,
Но мы не услышим, родная, друг друга.

Напалмом из крови залит, мир стал мудрым.
Я умер под тяжестью энной предтечи.
Ты пишешь мне, милая, каждое утро,
Но я не отвечу тебе, не отвечу.

EX TEMPERI

1

Как же так?.. Вот *Сейчас*, когда наши дыханья,
пульс один на двоих обретая, юлят,
когда судьбы всех наших ручных ангелят
цепенеют в один сталагмит ожидания,
когда солнце сплетает *нас* в косу крещенья,
а медузы вплетают *нас* в судеб теченья?..
Почему наша Родина, наша страна
вот сейчас растворяется, как пелена?

Как же так?.. Почему вот *сейчас*, в это время,
после тысяч и тысяч *немыслимых* лет,
Богом будучи в прошлом, но – сдав свой билет,
Она ходит на цыпочках, робко, за теми,
кто Её продавал, предавал и калечил,
не жалел на Неё ни солдат, ни картечи?
Почему без сознанья, в шакалей глуши
и под лунным затмением, добыта, лежит?..

2

Наша Родина, наша страна, мы с Тобою.
Мы с Тобою – одно, и народ Твой – един.
Почему вот *сейчас* над Тобою – Эдип
многоглавый склонился заплечным конвоем,
почему обращаешься в груду лохмотьев,
за которой – червями хрустит безнародье,
за которой не будет ни *нас*, ни Тебя,
где, увы, даже воспоминания – спят?

Как же так? Вот сейчас, когда мы стали целым,
когда мы лишь узнали друг друга, когда
стали *нашей* мечтою – Твои города,
а пространство святое Твоё – *нашим* телом,
Ты крошишься, как мел, как труха от трофея,
не очнувшись, в сознание прийти не умея,
и уходишь на дно, в непроглядную тьму,
хороня Цель Вселенной... Зачем? Почему?

Мы звезды-гиганты, от нас люди – в косточки,
Но: только завидим друг друга в окрестностях,
Мы друг перед другом – ничтожества, звёздочка,
Мы тлеем тусклее, чем вакуум светится.

Мы самозабвенно боимся – в объятия,
Взорваться друг другом на отмершей местности,
Но наша боязнь – это наше проклятие:
Чтоб выжить, придётся двум звёздочкам – встретиться.

ПОРТРЕТ

Мы – белые пятна божественных помыслов,
Мы – чёрные дыры суккубовых промыслов,
Ослепших картографов праздные домыслы,
Судеб оговорки, бездушных саркомы Слов...
Мы – те, кого выдумал северный вакуум.
Мы – с теми, по ком ошиваются дракулы.
Мы – там, где оплакали тайны Аввакума,
Каракули не понимая оракула...

Для падших народов Земли, увы, все – свои,
Исправно сбоят пересылка словес – в Аид,
В горячке бессрочной заходятся трезвые,
Геном гуинплена отточен, как лезвие...
Мы – те, у кого за спиною коммун ГУЛАГ,
И стадные идола в древних карбункулах.
Мы – те, кого ждёт – Совершенный Гомункулус.
Мы – то, для кого – Абсолютное Бунгало.

На падшей Земле – теснота не по нам была,
Мы – зайцами – в Небо, шныряя по тамбурам,
Орбита пчелиной волны – как сомнамбула,
Которая держит прозрения – в ампулах...
Мы – те, от кого ожидают исчадия
Внутри их самих, не рождённых, зачатия,
Но ор непорочной матрёшечной братии
Для мертворождённых звучит, будто радио...

У падших планет – всех констант аберрация,
Поставлена их на поток эксгумация,
Орбитам их больше не свойственна грация,
Они – астероидов конфедерация,
Но я тебя слышу – и всё растворяется,
И всё – исчезает, бесследно теряется,
И нам – не нужны больше те, что – смиряются,
Ни мир, ни Вселенная – пусть расширяются!

КОГДА ЗНОБИТ

Мы спятили с тобой.
Мы семимильными шагами
Идём, куда глаза глядят, не пятась,
Неимоверная моя!
Смотри, в руках – прибор,
Девятый вал – о жёлтый камень,
Но спит, лишённый миссий так некстати,
Обескураженный маяк.

Мы заняли всю гладь,
Друг друга – все форпосты, память!
Бессмысленную очередь распятий
В себе все коконы таят...
Куда *ещё* вратать
Друг в друга? – нашими руками
Оуклен мир, ручной – в ручной блокаде,
И только нами свет объят.

У каждого из нас –
Ключи от всех – друг друга – камер...
Куда *ещё* – расти – пусть даже спятив?
Мы до небес срослись с тобой –
Да так, что слеп ГЛОНАСС,
Что мы не знаем, кто мы сами –
До матрицы, до самой подноготной,
И между нами – только бог.

Куда *ещё*? Смотри:
В морских узлах – все наши корни...
До огневиц, до самых грамот нотных
Души, сорвавшейся с цепи,
Сплелись – на раз, два, три! –
До солнечных сплетений, горных
Пустот, молекул наготы бесплотных –
Луны, которая не спит.

Но ты твердишь – *врастай*,
С ума сошедшие проворней,
В безумной нашей плотности нелётной
Найдём дорогу в храм глубин!
Путь верен, цель проста,
Хоть направленье – иллюзорно,
И я с тобой согласен – столь немотно,
Ведь я – лишь ты, когда знобит.

КОРАБЕЛЬНАЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Здесь такая луна! Здесь такой снегопад,
Что становится он камертоном – навеки!
Ему бить теперь в наш беспробудный набат,
Заточив обертоны о лезвие неги.
Здесь такое величие снежной орды,
Неуёмный отёк всестороннего снега,
Что пора нам следить за игрой немоты,
За космической властью замёрзших молекул!

Здесь такой снегопад, что случайно забыл
Сделать выдох зеркального горна игумен,
Что заслушаться можно молчаньем судьбы,
А потом не услышать божественный зуммер!
Здесь такая твоя, колыбельная тишь,
Что потом и не вспомним, что мы – в божьем трюме,
И пора нам выглядывать – где ты стоишь,
Как ты там, Мир, который давно для нас умер.

700 КМ

Мои тянулись корни к морю
И жить без моря не могли,
Но не исправить, не ускорить
Игру континентальных плит.
В моих полях произрастает
Смертельный ожиданья знак.
Моя авария святая,
Как поздно ты меня нашла!

К тебе мои тянулись корни,
К тебе, за тридевять земель...
Цветок непрочный и покорный,
Но с корнем в сотни миль – сумел
Достичь твоих колодцев, Лета,
И обмануть – от засух – смерть,
А рядом – гибли пустоцветы
И ждали, чтоб разверзлась твердь.

В моей степи не заживают
Застигнутые тьмой тела.
Моя лавина роковая,
Как поздно, поздно ты пришла!
И не постичь чужих историй
В движениях земной коры.
Теперь моим ты стала морем,
Чтоб мёртвых всех собой укрыть.

ГЛУБОКАЯ РАЗМОРОЗКА

Столько падать, а в итоге –
Полюбить кота в мешке,
Или – льва в Святом Граале!
Сколько мы с тобой сгорали
Даже от иголки в стоге,
Вечного огня – в руке!

Не допустишь, отвернувшись,
Метаастазы сердца – в явь!
Я такие знаю средства,
Чтоб добыть тебя из детства,
Как из-под земли – уснувших,
Как ушедших в пустошь вплавь,

И уйдя в тебя – как Каин,
Возвратить себе – ребро!
Мёртв – не значит – обезболен.
Не могу себе позволить,
Столько дней тебя вдыхая,
Словно чистый кислород,

Отойти – на дюйм, мембрану
Потревожив, как печать...
Тишина – лишь буффонада.
Даже если – Року – надо,
Даже если вскрылась рана,
Говори мне, отвечай!

И насытившись под вечер
Скисшей истиной в вине,
И грешить-то не умея,
Не узнаешь в змее – Змея... –
Дай обнять тебя за плечи,
Отыскав себя – во мне...

НАВЕРХУ

Семиглавая боль и трёхглавый топор...
Кто дожждётся нас там, где сгорают сердца,
Кто узнает нас, если у нас нет лица –
Одного на двоих, на двоих, до сих пор?

Кто придёт туда первым, в янтарную явь?
Кто к теплу будет пятиться, если не мы?
Столько вёсен коротких и столько – зимы,
Что туда лишь мгновенно добраться, лишь вплавать.

Ледокол, ледоход, быстрый паводок вспять...
Холка ветра остра, наш портал ведёт прочь.
Наше чувство – как шлюз перед выходом в ночь
Из ракеты, летящей в миры, где все спят.

Подчинись ожиданию, как стрелка часов.
Мой к тебе караван забуксует с хвоста,
Ведь Нибиру холодная плотная сталь
Все врата закрывает на общий засов.

И у нас – нет ключа, нет ключа, нет ключа.
Мы остались последними в этой тюрьме.
Потому что остригли в монахиню смерть,
Потому что на нас не найти палача.

И единое наше, святое лицо
Все замки бы открыло, расчистив пути,
Но у нас – нет лица. Я не знаю, прости,
Кто нас ждать будет *Там*, рядом с мёртвым Отцом.

НЕПОЗВОЛИТЕЛЬНО

1.

А я уже всем рассказал, что ты – ангел...
Что за руки мы побежим к полустанкам,
Что нашему счастью – ответит Земля.

И будет на небе комета – мустангом,
Предтечей блаженства, вознёшейся Вангой,
И мы будем вечными в этих полях,

Что я смогу быть – неоправданно прежним,
И ты – непростительно юной и – вешней,
До обморока – оголяя свой взгляд,

Что мы сможем быть с этим миром – небрежны,
Ведь всё Мирозданье – за нас, за мятежных,
Но... *луны печали* щебечут в груди.

И ты меня видеть не хочешь – суровым
Седым ледником охватив, словно кровом,
Дороги уволили нас – не дойти.

И там, где нас нет – сингулярные дрофы,
В абсурдную пустошь – искрящийся провод,
И сотни дорог, чей обрыв – впереди.

2.

А я уже всем рассказал, что ты ангел...
Что ангелы – в сумраке пешем – мустанги,
Что есть в тихом омуте – звёзд исполин.

Но мир уже всюду расставил приманки –
Силки, волчьи ямы, и – даже трепанги
Готовы сослать меня на Сахалин.

Без компаса в сотом аду и – безгрешны...
Зачем же меня убедил Бог нездешний
Поставить на ноль, свою жизнь обнулив?

И ты уверяешь меня так безбрежно,
Что наши обьятия так неизбежны,
Что всё ещё будет, что всё – впереди,

Как будто бы завтра уже – катастрофа,
Как в миле отсюда – рожденье сверхновой,
Как – знаешь уже, что – размыты пути.

Прости, что мир к нашим смертям был готовым,
Прости, что не к месту моё было – Слово,
Что вовремя я не приехал – прости.

ОТСУТСТВИЕ ДНЯ

Боже, дай мне её или жизнь заberi! –
В доме ужас поёт, в небе эхо парит.
Боже, жизнь заberi или дай мне её! –
Этот крик навсегда застрял в доме моём.
Что же делаешь ты? Боже, что ты творишь!
И кошмар – словно гром, и кошмар – словно тишь.
И повешенный сохнет под люстрой и ждёт.
И Она – не идёт, не идёт, не идёт...

ОЗЕРО ВОКРУГ

Жизнь длиной в пять дней прошла.
Следующей – не дождёшься...
Мальчик с девочкой – тела,
А внутри они – как дождь сам...

День – паёк наш, но князя
Молят Вечность: «К нам – дотронься!»
Мальчик с девочкой – друзья,
Но внутри они – огонь сам!

Миг – сокровище – твоё!
Месяцы, как сталь, упруги.
Мальчик с девочкой вдвоём
Вот уже пять дней – супруги!

Ужас в сотни этажей
Из ночей бессонных брызнет...
Их миры срослись уже.
Что им делать после жизни?

ОТВЕТ

1.

Испуганные сны
стареющих Индиго
впечатаны от века
в решётки хромосом,
как огненный Псалтырь
в лесов живую книгу,
где – кома человека,
познавшего свой сон.
Не бойся испугать,
любимая, родная –
проносится, как поезд,
глухонемой вокзал.
Разомкнутая плоть
свой зодиак познает –
сирот колючий пояс
стучится в тронный зал.
Колодцев тайный быт –
глаза дремучих марев –
играет с верхней бездной
и – с нижней заодно.
Не думай, что теперь,
когда живее зарев
становится Невеста,
заляжет Сон на дно.
И я тебе приснюсь
там, где случилось Чудо –
вослед оледененьям
и пасеке венер.
Храни такие дни,
мы – прибыли – Оттуда,
там – камера хранения
нас, словно общий нерв.

Не тщись не сниться мне –
ни в саване ознобном,
ни в пелене азота,
ни в раненой фате –
мы всё равно найдём
Кристалл в миру загробном,
что так похож на одурь
двух спянных людей.

2.

Колыхание ветра по кругу, в наدير и – обратно,
Шевеленье эпох в сонме чёрных квадратов...
В точку невозвращения Земли – вход парадный
Утопает в цветах, и в венках,
и в костях, и – в распятых...

Вот и я, как архангел Пьеро, как пастух Зодиака,
Каждый раз тебя жду здесь – живой, невредимой,
Облучённый давно чередой ложных знаков...
Я, наверно, привык, я привыкну сильнее, вестимо,
Всякий раз, надевая посмертную тогу,
Улетать в небеса из любых небоскрёбов
И смотреть им в глаза удивительно строго,
Ожидая от них подношения мне в виде гроба,
И спросить с них за всё, что они натворили
С этим местом и временем, с духом и телом,
И – уходит вода – из воды, её боги сморили –
Звонари в храме атомных маятников беспредела.

Но послушай, послушай, ты властна сломиться,
Неразменный мой Ад – ждять тебя – сдастся сам, ведь
Цвет выходит из темени, звук – из жар-птицы,
Жизнь выходит из нас,
словно джинн из беременных амфор.

3.

На самых подступах к Вокзалу –
Внезапный сон, сто раз на дню...
Ты никому не рассказала,
Что я тебе в Сочельник снюсь.

Пусть этим снам мой рок поверит,
Что побережье всё – твоё,
Что мы выходим там на берег,
Но не вдвоём, но не вдвоём...

Иная явь – явь лишь местами,
Иные сны – что белый шум.
То, что ты снишься мне годами,
Я и тебе не расскажу.

Как не подглядывай за томной тишиной,
Как не заглядывай в бессмертье кенотафом –
Ты будешь молча, как замок, следить за мной,
И станет вечный сон моим auto da fe.
Меняет кожу кокон шума, и зерно
Внутри него – горит торшером пустоцветья,
Пустырь растёт, как радиации синод,
И шум, как шелкопряд, родившись, бьётся плетью...

Для птичьих – строгий пост: ни чувства, ни мечты,
Ни – ожиданья разряжённой сном надежды –
Как не вглядись туда, где можешь стать Ты,
Как не смотри, что у молчанья под одеждой!
Ничейный ветра нимб – оков неспелый ум,
И язва тишины – как ржавчина – нетленна,
И – кто спасёт из заточенья новый шум,
И – выйдет чей пароль из кокона, из плена?

Пароль для скорлупы сей будет ядовит,
И грянет гром, и мы узрим в чаду пожаров
На плоскости чудес всю простоту любви
И ливнем оголённых микросхем Самсары.
Мне остаётся ждать, пока падут врата,
И неба тыл разверзнется перед остывшим,
И подтолкнёт Тебя ко мне, и голос даст,
Немотности Твоей вселенской возмутившись.

Ты не найдёшь во мне врага –
Ищи с огнём, ходи в кольчуге,
Спросонья кутай в лёд и вьюги,
Кидай гранаты в жениха...

Мой свет, как трудно мне с тобой...
Но – мчит мой поезд через церковь,
Где купол неба – в фейерверках,
На всё вселенское депо.

Я там – сойду, в эдем огня,
Тотчас забыв про скорый поезд,
Ведь наша вечность в том депо есть,
Где ты стоишь и ждёшь меня.

И бесы, те, что в нас живут,
То подтвердят, что нам известно:
Ни жениха нет, ни невесты,
Но есть душа, одна на двух.

Покамест – жди из пустоты
Меня хоть с атомною бомбой,
Хоть замуруй все катакомбы,
Но верь: я друг, я – это ты.

Взрывай себя – пройдёт ожог,
И взлётом кончится паденье.
Когда мы станем *привиденья*,
Поверь, всё будет хорошо.

(И)М ПАТ

я в тебя превращаюсь,
в тебя превращаюсь, в тебя.
сносит голову мне в этот миг
и – метро в крематорий несётся.
арсеналы всех стран
в меня целятся, и в унисон окропят –
хором огненным – дом мой.
и череп не чашей – колодцем –
полигоном бездонным – научится быть,
в этом грохоте – спать.
я в тебя превращаюсь, в тебя,
таких Слов не придумали боги,
я Любовью – их всех превзошёл,
и кощунственный этот – им – пат –
достижение твоё и победа твоя,
и моё естество, и истоки.

ALT-ТРЮИЗМ

Нам всем – одна дорога – в монастырь.
Нам всем один концлагерь – Валаам.
Из наших черепов растут кресты
Прижизненно. Такое амплуа.

Нас всех – одна богиня – уморит.
Нас всех – один Создатель – погребёт.
Отмучиться спеша, мы входим в скит,
Как в роковую женщину – любовь.

Привыкшие её боготворить
Не знают, как отчистить дух её,
Как душу излечить от чёрных риз –
Грехов, которыми и сам ты упоён.

У нас один лишь бункер – монастырь,
Убежище одно нам – Валаам.
Мы слишком для богинь своих чисты.
От них уберёмся только там.

ЗА СЕМЬЮ – ПЕЧАЛЯМИ

На икону Богоматери
Смотришь долго, словно в зеркало.
Череп детский – на руках её,
Две руки и обе – левые.
Ну и что, что мы, создатели,
Распадёмся – фейерверками.
Ну и пусть Лилит мне – свахою,
В тундре сердца – только Ева есть.

Годы – словно расстояния,
В недрах, за семью печалями.
Истина всплывёт над прерией –
Каждый труп всплывает все...
Ты пойми, что я – не я.
Мы с тобой – одноначалие.
Утони со мной во времени,
Если время существует.

Волки ходят по городу, тычутся в фабрики.
Сон уходит сквозь сито сознания детского.
Конец света начнётся – заведомо – с Африки,
Но мне хочется более-менее веского.

Фары пятятся в стойла, но сыплются оползнем,
Беспросветность смыкается льдами сутяжными,
И Господь под забором лежит, и мы оба – с ним...
Но мне хочется более-менее важного:

Ощутить тебя всю – всеми теми подлодками,
Каковыми Вселенная видеть пытается,
И не знать, что влюблённые могут быть кроткими,
И не знать, что уже за спиной – Апокалипсис.

Все озимые станут однажды осадками...
Но мне хочется скинуть с себя инородное,
И понять, что любимые могут быть краткими,
И узнать, что для них нипочём – Преисподняя.

Не получается ангелом быть.
Обморок тайных пространств –
Толща воды, карантин
Оцепеневшей судьбы,
Тусклой сетчатки тиран –
Мёртвой жар-птицей летит.

Я удивляюсь твоей слепоте.
Боль сквозь мембрану – цедея,
Противоядья бурьян
Выльешь, как кровь лебедей,
И обратится дитя
В ведьмин живой матерьял.

Мы из пространств на свободу течём –
В бункеры, в наши дома.
Утихомирься, окстись –
С астмой Земли обручён,
Этой эпохи шалман
Волен тебя отпустить...

...И под пространства больные, в окно
Камнем ныряя за – Ней,
Знаю: лунна – Её стать,
Тьмой окольцован геном:
Ангелом станет. А нет –
Сможет лишь демоном стать.

* * *

О, если б ты была другою, не плела венков
Из кандалов, вериг и сбруй,
Он был бы вечен и звенел так высоко –
Мой первый и последний поцелуй.

И если б я не плёл верёвок из волхвов,
Из боли неродившихся людьми,
Я б сохранил тебя в себе, как божество,
Как самый светлый, самый чистый миг.

Мне б голос твой ввести в свою немую кровь –
Прививкой, что Вселенной всей поёт...
Но одиночество моё, как мир, увы, старо.
Бессмертно одиночество моё.

Тобой застилать кровать... У энных – больше шансов.
Так выхолощена и так опалена
Ночная боль, что – ни бельмеса.
Я никогда с тобой не разучу всех грязных танцев,
Тех, что танцуешь ты одна
Лишь для себя, но не для бесов.

Тобой – продолжиться в веках... Которых нет у мира.
Лужёная, седая ночь на новый Аркаим
Обрушилась, как студень, т.е. – на дом.
Зачем со мной ты, если тыл твой – вроде тира?
Я ничего не чувствую от слов твоих,
И потому мне больше – ничего не надо.

Что делать мне, скажи, когда всё ложе –
В костях тех из Тебя, кто снились мне, близки,
И умирали утром вместе с бредом на постели? –
Чтоб, не услышав в сотый раз *«Ты мой хороший»*,
Свет потушить, баюкать ночники,
И плыть на субмарине пустырями прочь, без цели.

АНАРХАНГЕЛЬСК

1.

Сорвётся голос мой
И дрогнет твой, и скроет
За ширмой всех – домой
Тебя зовущих – роем.

Как Баден-Баден, весь
Курорт мой – Гомель-Гомель –
Нарращивает вес,
Когда мы ближе к коме...

И будет без окна –
В Европу ли? – (закрою)
Берлинская стена,
Которую построю...

И стонет Метроном –
Гремучий анархангел:
В небесный гастроном
Мои пришли останки.

Засеяны поля
Останками твоими.
Несытая земля
Твоё забудет имя.

И будет всем ясна
Уст алости причина:
Сорвался голос сна
И... хрустнула личина.

2.

В день тихий, закрывший глаза мне,
Когда даже обморок слаб,
Водой под лежащие камни –
Гора к Магомету пришла...

Как – гром среди белого неба
И – тишь среди чёрной земли...
Все духи похожи на зебр,
Фламинго в которых болит.

В день шумный, скроивший костюм мне –
Любовь у горы на уме.
Но – пятится он, полоумный,
Бежит от горы – Магомет.

Желтеют колосья посыльных...
Согнать с анархангельских крыл
Стервятников этих бессильна
Посмертная маска горы...

С утра пойдёт толчёный снег,
Такой, что толком не увидишь,
Каков – ослепший человек,
Каков – в глазу обрюзгший Китеж.

Лото снежинок сменит лёд.
Воздушным змеем в Третьем Риме –
Ты в мир отпустишь самолёт,
Чтоб он лавировал меж ними.

Не чужая трещина миража,
Не повинная отраженьям,
Войдёшь в начинку гаража
И станешь собственной мишенью.

И не поймёшь, что носишь мор
С собой, что вразной – все птицы,
Что я, мой Свет, так и не смог
Принять, что ты – самоубийца.

И станет Змей воздушный сед,
Упавший в Ирий, и, конечно,
Найдя на энной полосе
Тобой растерянную нежность.

Теплее одевайся, беглая. На улице, мой Свет,
Так холодно, как в космосе открытом.
Там листья вымирают, птицы ниспадают вверх,
И ветер лепит вновь столб соляной из Маргариты.

Держись дороги аистов. Что для распятья пат,
Четыре света стороны – для птицы.
Я, скошенный, в своей норе кротовьей буду спать
И буду за тебя – тебе – во сне – молиться.

У нас всегда не тот сезон, не наши – времена.
На улице осенней нет ни компаса, ни лоций.
Лети своей дорогой в небесах, дай Бог, она
С моими катакомбами пересечётся.

Памяти 2 сентября 2012 года посвящается

Я не знаю, что будет. Зачищены тропы.
Ведь тасуя в своей центрифуге спиралей
Миллиарды мозаик и калейдоскопов,
Мир сей сделает всё, чтобы мы – растерялись.

Здесь святою водой оскверняемы гейши
И взрываются атомной бомбой куранты.
Я не знаю, что ждёт нас, родная, в дальнейшем –
Пустота или чаек над морем гирлянды.

И фонарики в небе грозу оттеняют,
А светила прячут на своих парашютах...
Я не знаю, что нас ожидает, родная –
Пустота или астры спектральных салютов.

Ты запомни меня, я неплох на безрыбье,
И лови этот миг – озорным птицеловом...
Я не ведаю, что будет дальше: гибель
Или твой поцелуй – как рождение сверхновой.

ОТ НАЧАЛА НАЧАЛ

Я жил столько лет без тебя, что и страшно подумать...
До энной поры первобытной, до энного времени –
Одни Каракумы, во много пластов – Каракумы,
Оазисы в многоэтажной Сахаре – как премии...

И были хамады Меркурия – словно отдушина,
И были Венеры песчаники – словно оскомины,
И каждое солнце – рубин, аквамарин ли, жемчужина –
Мне тиглем казалось – сжигающим,
плазменным, доменным.

Пустыни Вселенной исхожены полностью, полно-те!
Позволь мне дотронуться к воздуху,
дай же напиться мне... –
Вот в этой острожной моей, убаюканной комнате –
Всё ждёт тебя – долго, так долго! –
сроднясь с небылицами.

Ведь я же погибну, как пить дать –
погибну, без глаз твоих,
Без рук твоих, губ твоих, губ твоих –
под фейерверками...
Пески переплавились в зеркало, и, пока здравствую,
К нему подхожу я, и ты отражаешься в зеркале...

Всё небо – мишеней сияющий пазл,
Пустырь, за которым – каверны.
Спешат на расстрел долговязые расы,
Народы поют под фанеру.

На ниточке – смерть, кристаллических радуг
Аркады – слепое цунами.
На роды свои маршируют парады
Убийц, окольцованных нами.

Всё – блудные дочери, все – стервы, все – ведьмы!
В том мире, в котором живу я,
Неужто тебя, моя близкая, Свет мой,
Родимая, не существует?

ПРОХЛАДНЕЕ ПРОХЛАДЫ

ВЫСОКОЕ НЕБО

Там, где фейерверк наложился на зодиак,
Как отпечаток пальца на твою кожу,
Как самый счастливый день на жизнь,
Нас заметило бестелое око Циклопа –
Остекленевшее небо
С крупинками то ли льдинок, то ли блёсток –
И обратилось в стоп-кадр,
Но мы не успели дёрнуть стоп-кран.
И теперь подснежники –
Будто гремучие колбы тысяч Везувиев –
Светлячками горят,
Закидывают невода с солнечными зайчиками
В тягучие, озимые туманы –
В полях мартовских, бесконечных,
Где мы давно уже ходим
На расстоянии вытянутой руки
Друг от друга
И чувствуем в своих объятиях друг друга,
Но из воздуха, а не из плоти,
И ждём, когда от нас отвернётся
Мир, мешающий нам видеть
И беречь друг друга,
А если дождёмся,
То станет священным
То, что всегда считалось бесстыжим,
И молния станет бить в одно дерево,
Ведь другого просто не будет,
И аисты нас наконец-то услышат.

И никто никогда,
Кроме наших детей,
Не узнает, как я люблю тебя,
Ведь даже чувства такого
Ещё не придумали небеса.

Мне снилось, что ты меня бросила,
И – бросила нехорошо.
Мне снилось, что жить мне до осени.
Хотелось немного ещё.

Мне снилось, что ты повела меня
В дурдом, чтобы больше не знать.
Мне снилось, что я, уже каменный,
Ищу тебя с неба глазами на...
на собственных похоронах.

Проснулся: и правда, что бросила.
И правда, что – нехорошо.
Прошу об одном лишь – чтоб осенью
Среди провожающих оземь иль...
иль тех, что за мной бегут – с косами,
Тебя я глазами нашёл.

БЕСПОЛЕЗНОЕ ЗАКОПАЕМОЕ

Будь проклят тот, кто нас разъединяет...
Кто нас разъединил...
Убийца даже ада не достойна! –
Но – я в аду поник...
Единственная, вечная, родная! –
Моя душа фонит –
Тобой... Раз этот мир сжигают войны –
Со мною хоть... усни...

Пусть гостем на своей собачьей тризне,
Я буду, но истёк
Мой сон, я еду рядом с небесами
К тебе, в судеб котёл,
Я буду наблюдать всех смыслов жизни
Бессмысленный падёж
И – ждать тебя на Гомельском вокзале,
Пока ты не придёшь...

ТЕОРИЯ ДЪЯВОЛУЦИИ ДАРВИНА

Я помню день, когда был брошен невод
За сердцем в ледяной воде.
Был день восьмой. Не стало Евы –
Моей единственной... Но... где –

Та девочка, которую люблю я,
С которой были мы вдвоём,
Дарившая мне поцелуи
В любимом городе своём,

Та добрая и нежная, родная,
Отзывчивая, а ещё –
Которая ждала меня – не зная,
Что я её уже нашёл?

Я помню каждый миг, глаза-озёра,
Мечты, летящие на юг,
И девочку, мне ставшую – простором...
В тебе её не узнаю.

Я клялся Ей – навеки быть с Ней,
Но... не – тебе, и вот теперь
Уже, на склоне глупой жизни,
Я не ищу Её в тебе.

И нет теперь ни нежности, ни гнева...
Сбежавшую из-под венца
И лгущую направо и налево,
Что не мечтала – до конца,

Дрожащую, да так, что сводит зубы,
За репутацию свою,
Готовую вперёд идти по трупам
И обменявшую уют

На суету, на мегаполис тесный,
На яд воздушных купажей,
Предавшую меня так бесполезно, –
Не чувствую, и вот уже –

Верёвкой к горлу подступает
Бесцветная, как дым машин,
И никому не нужная, пустая,
Моя бессмысленная жизнь.

ты приучила меня
к другому составу воздуха,
а после перекрыла клапан.
неужели ты думаешь,
что ожидание может быть вечным?
что я не отвернусь,
когда всё узнаю о тебе
и тебе останется разве что
рассказывать мне,
где содержат обрѣкших себя на одиночество?
пойдёшь ли работать Гиппократом
или хотя бы медсестрой
в тот лунный лепрозорий,
куда меня увезут,
зная, что иначе –
расстанемся?

Давай вздѣрнемся?

* * *

О Боже, если бы о *нас* – твои слова!
Зачем ты хочешь здесь, в пути, остаться?
Смотри, *где* сотни статуй, ждущих – целовать,
Твоих, желая подменить *Тебя*, толпятся!

О Боже, если б ты писала – обо мне!
Зачем ты бьёшь по тормозам над бездной?
Смотри, как много там, внизу, среди теней,
Меня несчастных трупов, как *им* тесно!

И если обо мне бы – все стихи твои!
Но, видит Бог, повенчана с покойным –
Спускайся ста-ту-я-ми в бездну, и – в Аид,
Где мои трупы – будут *их* достойны!

ЗАКРЫТЫЙ КОСМОС

Спасибо за непонимание,
закрытый космос!
Сначала я, вмурованный в Коцита льды,
думал, что тебя не существует.
Кроме бликов и слёз, ни движения там.
Но разноцветная икра огней фейерверка
осталась искриться в чёрном море,
и я понял, что такое небо.

После я, зачарованный девственностью Лимба,
приглашал тебя в свою жизнь,
рисовал тебе быстрый маршрут
Из Гитлерборей в Гиперборею.

Пока рисовал,
почти что намертво к тебе прирос,
как круги ада друг к другу,
а ты выросла андрогином,
и все боги из Красной книги возопили,
и все стихии болели мышцами,
и не было ещё столько крови в мире пролито,
чем когда нам делали пластическую операцию
по разделению душ.

Но на нет и сюда нет.
На нет и сюда нет...

Гори оно всё огнём –
От Мекки до новой Трои.
Ты больше пиши о нём,
И я ото всех *нас* скрою.

Накрой оно всё волна –
От Му до темниц Буяна.
Ты глубже молчи о *нас* –
Я тем, о ком пишешь – стану.

Убей этот весь простор,
Вселенную кладбищ – людям.
Веков эдак через сто –
Мы сами о *Нас* забудем.

БОЛЬ

1

Ты знаешь, мир умер. Фантомное счастье –
Как хрономираж, где детей кутерьма.
А здесь – только вакуум, вакуум настужь,
И я в нём – как самая страшная тьма...

Ты даже сейчас – сингулярность, омфал, ось.
Я – только с тобою, я только с Тобой! –
Во мне и себя-то почти не осталось.
Душа разболелась... Фантомная боль...

2.

Ну что ж, всё обернулось адом.
И что с того, что каждый миг,
Как вакуум – залётный атом,
Сны ждут твой знак, чтоб стать людьми...

Пускай ты – смысл мироздания,
Пускай – ядро души само,
Навек навесь на подсознание
Амбарный проклятый замок!

И мрак напалмами не выжечь,
Не утопить сны в водоём...
Хоть без тебя душе не выжить,
Оставь, я – *прошлое твоё*.

Пусть немые без тебя авгуры,
И мир похож на ГМО,
Лишь ярче в камере-обскура
На мне предательства клеймо!

Пусть без тебя лишь Здесь я – дома... –
Молчи, скрывайся и таи...
Там – нас счастливые фантомы...
Не плачь. *Я – п-р-о-ш-л-ы-е т-в-о-и!*

И в этой келье ли, каверне,
В одной из тысячи кают –
Лишь тень твоя и здесь, наверно –
Последний мой, ночной приют.

Печёт Сансара караван –
От боли слепнет окоём,
И пусть я при смерти, взываю, –
Молчи. Я – прошлое. Твоё...

А что люблю тебя без меры,
Как любят дети – первый снег,
Так это лишь... мой Символ Веры...
И будет мне. И будет мне.

3.

Отринувши купол,
в побеге от юбок,
о колокол – зубы,
и копьё свои...
Сугубо суккубы
теперь будут любы,
и званны, во и-

-мя снов саблезубых...
по мне, как по трупам,
хромя, в Аид,
к своим душегубам,
шли дуры на убыль,
как мясо, сбоить.

Сугубо суккубы,
сугубо суккубы
отныне теперь.
В аквариум-кубок
разомкнутым кубом
вмурована дверь.

И если дать дуба
не хочешь, бей в бубен,
растерянный зверь –
ни браков, ни шлюбов,
сугубо суккубам,
суккубам сугубо
дари свои губы
веки теперь...

ПИСЬМО ВЫДОХА

Как мне сказать тебе о том,
что кроме счастья и боли
во мне уже ничего не осталось,
но счастье рвётся на свободу,
оно – воздух,
и только боль позволяет мне
сохранять форму человека,
оно – оболочка?
Что нет большего счастья,
чем принадлежать твоим лучам,
и нет большей боли,
чем знать, что твоя первая нежность
зародилась задолго до моего воскресения?
Что твоё первое счастье принадлежит не нам,
что кликни тебя Прошлое –
и ты убежишь,
будь ты даже трижды обручена со мной?
Что моё первое, единственное и последнее счастье
принадлежит даже не нам, а – тебе?
Что я, глупый-глупый,
не могу из-за этого жить?
Что проще отпустить оболочку,
а не воздух?

Но воздух уйдёт и сам.
Воздух тянется к Воздуху.

Как объяснить тебе это,
не держа за руку?

S.O.S.

Я посылаю в мир сигналы SOS.
Но мир молчит. Мир умер раньше.
В бесснежном поле колосок –
Один. На Землю всю – один.
И потому с тобою я един,
И потому мир сед, а не оранжев.

Мозг ищет выход. В тупиках,
Во тьме, что – кровью мироточит.
Но рыбака рыбак изглубока
Увидит, если он – один.
Мозг выбирает жизнь, жизнь во плоти.
Жизнь выбирает мозг, и – многоточие.

ХОЛОДНЕЕ, ЕЩЁ ХОЛОДНЕЕ

И я высвобождаю своё сердце,
И выжигаю всё, что можно выжечь,
И не бывает пусто свято место.
А где-то (где – не помню) по инерции
Невесты умирают, словно мыши,
Вид делая, что есть цена невестам.

Забыть, как – страшный сон, как – ветра кому,
Рудиментарного Христа, когда он
Убийцы тень. А остальное – к чёрту.
Цель такова, а кто там был... а кто был?..
Ведь гений – это только дважды даун.
Ведь если любишь – ты второго сорта.

И от любви до ненависти – миг лишь,
Не шаг, но только взмах ноги над плахой,
И вместо общей жизни – о погоде,
О том, к чему пришли, чего достигли...
Но я-то знаю, став сродни монаху,
Что ничего уже не происходит.

ЗДОРОВЫЙ ОБРАЗ СМЕРТИ

Я Югославия. Я Будда.
Меня не видно и не слышно.
И став для жизни, как UFO,
Я буду садом незабудок
И море делать неподвижным,
И – успокаивать его.

Моей единственной не понят,
Извечной суженой не принят,
Не вхож в любимый окоём,
Я буду жить на небосклоне
Последней, тёмною святыней
И – исповедовать – Её.

Распотрошён прошедшей мимо,
Судьбой свою же отторгнут,
Я буду ждать повестку в ад.
Под Зодиака пантомимой
Я разрушаю сердца климат
И разрешаю – да! – на органы
Себя потом освежевать.

По небу ползут оригами.
На льдах лихорадок хомут.
Живёшь в гальванической яме,
Не нужен уже никому.
И дышишь, и мыслишь, готовый
Разрушить всю прежнюю жизнь.
Что жизнью своей арестован,
Что вера – твой личный фашист,

Ты знаешь, и это гестапо –
Что карцер в повторном раю,
Но некуда дальше – на запад
И не к кому больше – на юг.
И счастлив себя бы исправить,
И спрашиваешь – «Кем мне быть?»,
Но сотни роялей без клавиш
Тебя взяли в круг, как гробы.

В озимых мехах тяготенья
Ты ждёшь омертвения чувств,
Но молишься в этом паденьи
Единому в мире Врачу.
В какой обитаемой бездне
Со смертью ты счёты сведёшь,
Чтоб вновь в стратосфере исчезнуть
И к Ней совершить свой Падёж?

НА СВОЕЙ ОЛИМПИАДЕ

В жизни двух людей бывает время,
когда они становятся до невероятного похожими,
и тогда они не знают,
сколько чужой крови прольётся там,
где они целовались.

И все, кто на сцене,
замурованы в реликтовый янтарь,
а ты несёшь на руках то, что не можешь потерять,
и уже бежишь,
самый быстрый спринтер на своей олимпиаде,
и не замечаешь,
что самоё Мир растворяется на твоих руках
в тот момент,
когда таранишь финишную ленточку.

Но она же оказывается и красной лентой,
и весь этот бег по кругу
стремишься обратить в обручальный космос,
потому как – что кроме космоса ты можешь создать,
если мира уже нет?

И каждая цикада – о тебе,
и никаких полнолуний за всю историю,
никаких маньяков в голове,
и если это не фестиваль, то что же тогда?
Любовь как стремление к андрогинности души,
андрогинность души как высшая благодать,
высшая благодать как мимикрия с Абсолютом...
Это и есть наш фестиваль.

Знак хаоса,
стрелки во все стороны, но внутрь,
как центростремительное тяготение,
и пусть осуждённое серебро
вместо гальванического снега,
и понимаешь, что счастье вечно,
хотя призраки утверждают иное,
а когда комета упадёт на тебя
и станет твоим ядром,
ты сама станешь, как звезда, и ослепишь себя.

В жизни двух людей бывает время,
когда они становятся до невероятного похожими,
и тогда за них решают,
с кем они будут в следующем перерождении.
А иллюминатор поезда,
(Самолёта? Спутника?)
вечно разделяющий бегущих,
вовсе ни при чём.

В НАШЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Не пройдёт и нескольких кайнозойских сезонов,
не успею отпустить в небо ни одной пустельги,

я вернусь таиться
в ту стеклянную камеру-обскура,
рядом с которой в другой такой же камере
таилась ты,
и дожидаться,
когда смогу дотронуться
до твоего сонного утреннего лица
своими руками.

Затем я буду сидеть на самом берегу моря,
которое всего раз за Вечность было неподвижным,
потому что спокойно было нам,
а ему было спокойно с нами,
и пойму, что никогда не покину его,
потому что люди меняются,
а оно остаётся нам в утешение,
заменой тем людям,
которых уже не узнать.

Потом я вернусь в тот день, когда
реки становились морями
и оттого мне было просто читать твои мысли,
прикоснувшись своим виском к твоему,
и потому никто-никто не поднимет голос
за оставленные на энной скамейке
энные солнечные очки.

И наконец, я промелькну мимо тебя
среди грохота ежей по тверди,
шума виноградной оторопи
и шёпота мыслителей,

но мне только на секунду покажется,
что я промелькнул,
а на самом деле мгновение остановилось
и я взял тебя за руку.

Я вернусь в это время
навсегда
из мира, из которого я, как вампир,
выпил всю Любовь
ч-е-р-е-з-т-в-о-и-г-л-а-з-а,
и она сохнет во мне,
и мне некому подарить
её сухой остаток.

Я стану небесным телом
там, в нашем средневековье,
над построенной нами Землёй,
чтобы родиться твоим ребёнком.

НЕБЕСНОЕ ТЕЛО

Как человек, лишённый смысла жизни
и закончивший все свои земные дела,
я наблюдаю со стороны
за самым счастливым днём своей жизни.
И фейерверк над Нами,
как крона большого дерева,
пожелтел и пожух, и, монохромный, висит
над Нами в сером осеннем небе.
Четыре года назад мы сказали друг другу Это,
мы могли стать прекрасной семьёй,
но мы не умели,
и, складываясь, пазлы листьев
вдыхают жизнь в мою голограмму,
и я – один из этих листьев.
Но камни вокруг меня больше не нужны,
Они тяжелы и хрупки,
Да я и не держу зла,
Меня переполняет счастье.
Я полюбил этот мир через тебя.
Я благодарен тебе, мой Свет,
за то, что в моей жизни была настоящая любовь.
Я благодарен тебе, моё Солнышко,
за то, что был по-настоящему счастлив,
пусть даже из этого ничего хорошего не вышло.
Жаль, что ты никогда не узнаешь,
как я любил тебя.
Прости меня за всё, моя родимая.
У меня не существует будущего без тебя.
Вне тебя нет моего продолжения.
Без тебя моя жизнь не имеет смысла.
Чур меня.

*...найди меня когда-нибудь
в перерождениях – не забудь*

Содержание

НЕОНОВЫЕ ПОЖАРЫ

«Кукловоды расступились перед лоскутами шторма...» ..	4
«Эти альты кощунственно громко скрипят...»	5
«Здесь прежде любой прохожий...»	6
Оригами	
1. «Прозвони мою глушь. Я люблю тебя. Очень...» ...	7
2. Лётная погода	8
«Муаровые вечера истлели в подворотнях...»	10
Нерасторжимые	11
Воздушные поцелуи	13
Будапешт	15
SMS (Save My Soul)	16
Аллергия на жизнь	17
3-й муж и 5399256031-й мужчина Лилит	19
Рыбы Стикса	20
Усталость	21
Мавзолей	
1. «Здесь зори-близняшки мгновенное старят...»	23
2. «И у наших героев осыпались маски...»	24
«Ты заспиртован в утлой колбе Пиренеев...»	25
Необратимое	26

СИАМСКИЕ ТЕНИ

«Сиамские тени сидят на бордюрах...»	28
«По лестницам вниз пешеходами наго...»	30
«Адам не любил яблок...»	31
«Так что же, Ева, расскажи всем нам о рае...»	33
«Внимательно подслушивай течение времени...»	34
Птичье молоко	35
В профиль	36
Элизинум	38
Куда?.....	39

МЕРИДИАН ЛЕГКОМЫСЛИЯ

Пощечина	42
Окоём слепоты	44
Траурное легкомыслие	45
Псалом	46
«Оттепель»	47
«Милосердие Всевышнего»	49
Рождественская открытка	50
Апликация	51
Пари	52
Улики счастья	53
Алгоритм света	54

ПРИБЛИЖЕНИЕ ВОЗДУШНОГО ВЕКА

Високосная весна	58
Поход	59
The dark future	60
Когда горит небо	61
Чужой крест	63
День настал	54
Воздушный век	65

ВСЕ БАШНИ

Все башни... ..	68
Бес в ребро	69
Заживо	70
Родословная	71
Кромлехи Гаргантюа	73
Серое воинство	75
Озоновые башни	76
Антропология	77
Вавилонские бездны	79
Азбука Морзе	81
Чужестранцу	83
В аркане XVI	84
Оранжерея салютов	87
Самое время	88

КОМНАТА ЭЙМСА

Чёрный человек в комнате Эймса	92
«Насилье над временем, вещая ересь...»	93
На восток от полярного круга	94
Реггей с музей	95
Третий Аваддон	96
Точками... ..	97
Круги по воде	98
Расщеплены	99
Рецидивы	100
Механические созвездья	111
Мистические несовпадения	112
«Изношенность любви к нулю стремится...»	123

КРАСНАЯ КНИГА

«Медленный зверь возвращается в ад...»	106
«Меченый зверь всех распятых мрачней...»	107
«В нашем доме, где море нас без толку ищет...»	108
Робеть	109
Земля останется на месте	110
Письмо в бутылке	111
Мой солдат	112
Интеррашенал	113
Счастливому палачу	114
Камера-обскура	115
Твои водолазы	116
Баден-Баден	118
«Гореть в аду – за пьесы, за стихи...»	119
Т.С.М.В.	120
Сон золотого века	121
«Мы уходим со сцены, как стылые мифы...»	123
«И поймём мы с тобою, что – были, что – Были...» ...	124
«Загнанный зверь слепотой осаждён...»	125
«Раненый зверь – суть – обратный отсчёт...»	126

ЗОРКИЕ СНЫ

«Солнце, я не понимаю что происходит...»	128
--	-----

В ротации	130
«Мы – в паноптикуме, в окружении клеток...»	131
Эпидемия сновидений	132
Альтер Дао	133
Кувшинки	134
Троица	135
Четвёртая космическая	136
Космоса нет	137
Позвоните себе	138
Ромео	139
Восстание против Мироздания	141
Бадминтон	142
Либи́до	143
Скорбный сезон	144
Никогда не поздно	145
Клаустрофобия зеркала	146

СНЫ ГЛУБИНОЙ В КРЕМАТОРИИ

Сказка о Лемурии	
1. «Сквозь айсберги чей-то слепой эхолот...»	150
2. «И мы впряжены в лунный круговорот...»	150
Ей	152
«Таких, как Небо – много...»	153
«Возьми сигареты, и зонтик, и шляпу...»	154
Наказание	155
Куклы Ноу-Вуду	157
Третьего дня	158
Расколдованный круг	159
«Выспавшийся Морфей...»	161
Звёздные часы	162
Если ты боишься	164
Remotou	166

БЕЛЫЙ ШУМ

Феномен Раудива	168
Попытка связи	170
Нирвана	172
Белый шумер	173

Цех	174
Полутени	176
Свободное падение	178
Гавань	179
Мир без красоты	180
White dot	181
X, y, z, t	183
Перекасти-поле	184

ГОРИ, ЗОНТ!

Начнём с того	188
Форс-минор	
1. «Все роды одинаково древние...»	189
2. «Опасен Создатель, себя не познавший...»	189
3. «А мы, понимая, что тьма беспощадна...»	190
Чёрная плесень	191
Я знаю – мы лежим	192
Кси, пси, фита, ижица...	193
Обращение к Мировой душе	195
Обращение к Судьбе	196
Конец туннеля	197
Пожалуйста	198
Немотная грамота	199
«Да, у нас – своя война...»	200

F63.9

По кровавому следу	202
Парадокс всемогущества	203
Связь	204
Ex Tempore	205
«Мы звезды-гиганты, от нас люди – в косточки...»	207
Портрет	208
Когда знобит	209
Корабельная колыбельная	211
700 км	212
Глубокая разморозка	213
Наверху	214
Непозволительно	215
Отсутствие дня	217

ОЗЕРО ВОКРУГ

«Жизнь длиной в пять дней прошла...»	220
Абсолютная тишина	221
Ответ	
1. «Испуганные сны стареющих Индиго...»	222
2. «Колыхание ветра по кругу...»	223
3. «На самых подступах к Вокзалу...»	224
«Как не подглядывай за томной тишиной...»	225
«Ты не найдёшь во мне врага...»	226
(и)м пат	227
Alt-триумф	228
За семью – печальями	229
«Волки ходят по городу, тычутся в фабрики...»	230
«Не получается ангелом быть...»	231
Параллельные пунктиры	232
«О, если б ты была другою, не плела венков...»	233
«Тобою застилать кровать...»	234
Анархангельск	
1. «Сорвётся голос мой...»	235
2. «В день тихий, закрывший глаза мне...»	236
«С утра пойдёт толчёный снег...»	237
«Теплее одевайся, беглая. На улице, мой Свет...»	238
«Я не знаю, что будет. Зачищены тропы...»	239
От начала начал	240
«Всё небо – мишеней сияющий пазл...»	241

ПРОХЛАДНЕЕ ПРОХЛАДЫ

Высокое небо	244
«Мне снилось, что ты меня бросила...»	245
Бесполезное закопаемое	246
Теория дьяволюции Дарвина	247
«Ты приучила меня к другому составу воздуха...»	249
«О Боже, если бы о нас – твои слова!»	250
Закрытый космос	251
«Гори оно всё огнём...»	252
Боль	
1. «Ты знаешь, мир умер. Фантомное счастье...»	253
2. «Ну что ж, всё обернулось адом...»	253
3. «Отринувши купол...»	254

Письмо выдоха	256
S.O.S.	257
Холоднее, ещё холоднее	258
Здоровый образ смерти	259
«По небу ползут оригами...»	260
На своей олимпиаде	261
В нашем средневековье	263
Небесное тело	265

ББК 84(4Укр – 4Од – 2Од) 6-53я44
УДК 821.161.1(477.74) – 14 (081)
Г 520

СЕРГЕЙ ГЛАВАЦКИЙ

Литературно-художественное издание

ПАДЕНИЕ В НЕБЕСАХ

Книга стихотворений

Підписано до друку 14.03.2016 р.
Формат 84x90/32. Гарнітура officina Sans C.
Папір офсет. Друк офсет.
Ум. друк.арк. 11,98. Зам. 873.
Тираж 500 прим.

Видавництво КП ОМД
(свід. ДК № 774 від 17.01.2002 р.)
Надруковано в КП «Одеська міська друкарня»
65012, Одеса, вул. Пантелеймонівська, 17